

12+

Воспоминания старого шамана

«...Время однажды – за всех нас скажет...»

(Шаман Синкэн)

Модорхотт

Хамархан
Хамтай
Александр

Хамархан Хамтай Александр

**Воспоминания старого
шамана. Модорхон**

«Издательские решения»

Хамархан Хамтай Александр

Воспоминания старого шамана. Модорхон / Хамархан Хамтай Александр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988066-6

Модорхон — это имя девушки из древнего эвенкийского рода. — Это ценный бриллиант, с виду обычный, будто простое стекло, но если присмотреться на свет, тогда он расцветет и заиграет своими гранями. История Модорхон — это яркое солнце и холодная луна, это человек и природа. Радость первого вздоха и чистая слеза юной наивной любви. Это художник, что сидит у подножья высокой горы, он Творец мироздания. Он — это мы, его дети. И мы, как и он, несем свою жизнь в этот прекрасный и удивительный мир!

ISBN 978-5-44-988066-6

© Хамархан Хамтай Александр
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Глава 1. Небесная волчица	9
Шоно, прощай...	9
За пологом чума	11
Пурга	13
Милхай и Коля	15
Для чего человеку голова	17
Колина «головомойка»	19
Мир тот, что рядом	21
Путь «маленького странника»	22
Редкие гости в этих краях	24
Клешнеголовый друг	25
Главное – захотеть и поверить!	27
Живица – хороший повод	28
Или сейчас или никогда	29
Вот тебе крылья!	31
Желтый воздушный корабль	32
Разговоры с сыном.	34
Любой идее нужно отстояться	35
Аполлоныч, умудрённый жизнью	36
Уход наставника	38
Матёрым зубром называли	39
Менять свою судьбу	41
Глава 2. Народ кочевой, северный	44
Человек природы	46
Песня северного кочевника	47
Хозяин	53
Друзья верные, мохнатые	55
Ночью в тайге	57
Новый рассвет	58
Берелту и Аялик	60
Микола и Виктор	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Воспоминания старого шамана. Модорхон

Хамархан Хамтай Александр

Иллюстратор Юлия Хрущева

© Хамархан Хамтай Александр, 2025

© Юлия Хрущева, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-4498-8066-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Воспоминания старого шамана.
Модорхон**

*«... Ходят народы по легкому ветру,
по синему небу плывут на упряжках.
Мысли свои пускают по воздуху,
с ними летят за высокой звездой...»*

(Ходят народы)

Введение

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках, – о северном народе, о далеких и суровых краях. О том, как люди проживают в не легких условиях и в жестком климате. О том, как он стал частью их сути и частью их мира. Книга о том, как живут люди единой надеждой, что после ночи наступит день и вновь засияет солнце на северном небе. Она о том, как тает снег, и бегут весенние ручьи, как появляется долгожданная зеленая трава. Как прилетают птицы с юга и поют свою новую весеннюю песню. Книга о том, как однажды юная душа приходит с неба и вселяется в маленького человечка. Первым криком она оповещает молодых родителей о своем появлении на свет, наполняет радостью и счастьем жилище северных людей.

Насколько сильна сущность человечка, насколько сильна его память? Ограничивается она одним поколением, или многими поколениями людей? Способен ли человек заглянуть в свое прошлое, прожить жизнь своего далекого предка; возможно ли постичь силу, раздвигающую границы нашего времени? – Вопросы вечные, вопросы не простые. Все они, отчасти, находят отражение в этой книге.

Истины предков – не сложные, они простые, – все те, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни. Большая часть из них, касается нас напрямую, влияет на нашу жизнь и на нашу судьбу. Я предлагаю, дорогой читатель, погрузиться в прошлое, в прошлое наших бабушек и дедушек, вспомнить своем о роде, о своем народе, потому, что это и есть ключ к развитию, – это есть наша точка отсчета.

Вперед мой друг, смелее приступайте к чтению книги!

С большим уважением к Вам, Автор

Герои этой книги, явились собирательными образами, вместившими в себя много поколений хороших людей и их характеров. Людей сохраняющих традиции, язык и культуру своего народа. Все, о чем сказано здесь, все герои и события настоящей книги, являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Есть на нашей земле разные люди, проживают они в разных местах: на самом крайнем севере и на юге, в степи и в лесах, в пустынях и в безлюдной тундре.

В высоком предгорье – живут горцы, хранят они далекие истории и тайны.

Степняки – живут в Великой степи и сохраняют свои предания.

Люди тайги, – жизни не видят без родного леса и рек.

Есть еще люди пустыни, – жаркой и беспощадной для других, но, для них, такой близкой и родной.

Есть люди Севера, закаленные с самого раннего детства, люди крепкие своим телом и сильные духом. Не стоят они на месте, как сама жизнь, – в постоянном движении пребывают. Люди легкие, без больших домов и множества ненужных вещей. Все, что есть у людей Севера – это их олени; верные их друзья – собачки; легкий и теплый чум и родная природа со всеми ее стихиями.

Есть в книге новые истории, с новыми героями и событиями. Есть истории старые, с уже знакомыми, полюбившимися читателям героями.

Эвенки – один из не многих народов, что проживают на бескрайних северных просторах нашей Великой Родины, и о них эта книга, тоже...

Модорхон – это имя молодой девушки из древнего Эвенкийского рода...

Глава 1. Небесная волчица

Шоно, прощай...

Жизнь – она порой простая, порой сложная. Чего нам сулит новый день и новый поворот – только Богу одному ведомо. Но как бы не распорядилась судьба, мы всегда будем верить и надеяться, будем продолжать нашу прекрасную и бесконечную жизнь на земле.

Волчица, как и прежде, продолжила свой далекий путь. Обратный путь назад, к самой высокой звезде, к той, с которой мы пришли однажды.

Боль и холод охватили хищное тело. Еще сильнее ее пронзало чувство досады: она не сможет больше увидеть своих волчат и любимого Вожака. Силы покидали хищницу. Рано или поздно это должно было произойти.

Она лежала на снегу, истекая кровью, а рядом с ней был ее Вожак. Они прощались молча, и оба понимали – в этой жизни им уже не быть вместе.

Матерый обнюхал Шоно и нежно лизнул ее в морду. Знакомый и родной теплый запах, сменялся серым смертельным холодком. Боль постепенно проходила, холод проникал во все уголки звериного сознания. Учащенное дыхание постепенно угасало, с ним вместе угасала, все еще теплившаяся в теле жизнь. Последние мгновения Шоно провела со своим любимым...

Душа волка плачет. Никого рядом, только холодная Вечность и он – матерый Вожак, с израненным, в тяжелых схватках, телом и душой. Но Раны телесные заживут, а его душа так и останется рядом с Шоно. Никто не станет его любить, некому его поддерживать. Волчата уже подросли и показывали свой нор. То старший начнет огрызаться, – его нужно успокоить. То младшая станет шалить и доставать Матерого, а то и вовсе примется хныкать и жалостливо пищать. Им обоим не хватало материнского внимания.

Любовь на всю жизнь, какой бы не была, короткой или длинной: волки остаются преданными до конца, пока их смерть не разлучит. Так произошло и в этот раз. Волка, с его волчицей, разлучила смерть. Она скрутила хищницу, не дав опомниться, заставила быстро угаснуть красивое и сильное животное.

После ухода, волчица оставалась еще на земле: прощалась она со своими близкими. Пришла она к волку: сначала в коротком сне, а потом и наяву. Матерый весь день провел с Шоно, дав ей свои: крепкое тело, зоркие глаза, звериный слух и острый нюх. Все для того, чтобы Шоно могла почувствовать этот мир еще раз. Посмотреть его волчьими глазами, ощутить прикосновение младшей, когда та оказалась совсем рядом. Почувствовать любовь старшего, – повзрослевшего волчонка, – второго в семье, после Матерого. Она старалась, как могла, их утешить, давая понять, что это расставание не навсегда, а лишь на время...

По ночам Матерый сидел на опушке леса, смотрел на ясную белую луну и видел где-то там свою любимую. Он молча плакал, волчьими звериными слезами, а иногда он просто выл в бессилии. Выл на луну, пытаясь понять, почему Вселенная забрала ее. Выл на небеса, досадуя: почему не он покинул эту землю вместо Шоно.

А время бежало неумолимо, время легко и быстро летело.

Оно оставалось неизменным для всех существ в нашем мире.

Всегда такое одинаковое и всегда такое разное. Иногда оно было короткое как миг, иногда длинное, словно целая вечность. Природа меряла свои годовые циклы: сезоны теплые сменялись прохладой, не задерживали друг друга и не поворачивали вспять. За прохладой приходил

холод. Заполнял, он, все природные ипостаси, охлаждал земные просторы. Но нет на земле ничего вечного, и холодная зима отступала со временем, приходила оттепель, – время надежд и рассвета. За весной опять возвращалось теплое лето.

Солнце ходило по своей дороге. Вставало оно на востоке, проносилось кометой по небу и пряталось за горизонтом на западе. Все менялось в природе, только не менялась память Матерого, не проходила его душевная боль.

Бывало, он мечтал, что когда-то и он пойдет в небо. Что они с Шоно снова встретятся и снова будут вместе. Он оставался слабым в те моменты. Мог запросто пропасть, вступив в смертельную схватку с сильным противником. Он мог взобраться на самую высокую скалу и сигануть оттуда, не раздумывая. Однако не разбиться у подножия, а воспарить: высоко-высоко, к белоснежным облакам, к самому солнцу, и еще выше – к самому Создателю. Туда, где есть его – волчье счастье, туда, где есть его волчица, которая любит его и всегда ждет.

Долго так оставалось, долго. Однако Матерый выбрал однажды жизнь, со всеми ее удачами и болью, с испытаниями и ошибками.

Другие волки помогали Вожаку, а волчата, в тот момент, становились для него единственным смыслом.

Матерый знал, что когда-то они снова будут вместе с Шоно. И если Господь им позволит, они вернутся однажды на эту Землю, чтобы родиться в стае маленькими серыми волчатами. Любимыми и единственными детьми большой небесной Волчицы...

За пологом чума (северное сказание)

За пологом чума поднялась пурга. Ветер, словно раненный зверь, завывал за тонкими стенами жилища. Он поднимал над землей поземку, рвал и трепал все, что попадалось ему на пути...

Жилище пастухов, одинокое на просторах бескрайней тундры, казалось маленьким и ничтожным. Здесь, пастушьей хижине, теплилась настоящая жизнь. Среди морозов и ветров, вопреки любому разуму и тяжелым условиям, здесь жили северные люди. До моря далеко, кругом серо-белая, покрытая снегом, тундра, лишь местами вздымалась она своими неровностями-возвышенностями. Редкие лучики солнца проникали в эти места полярной зимой. Ночными отблесками переливались они на темном небе, являя людям чудо своего сияния...

Посреди чума горел огонь, живой и веселый, приветливый для людей и неприятливый для темных сил. Давно он там появился, стал для пастухов защитой природной и охраной.

По старым преданиям случилось так:

Однажды, еще в незапамятные времена, рассорились стихии, поругались промеж собой. Дождь стал заливать всю землю, а ветер начал валить деревья, вырывать их с корнями, ураганы поднимать и вихри.

Пришел к ним пастух со своими оленями:

– Зачем так сильно ругаетесь, траву грязью засыпаете, мне спокойствия не даете и моему скоту?

– Иди отсюда по добру по здорову, а не то, смою тебя и твоих зверей, – сказал ему дождь, и начал еще сильнее поливать землю. Реки от сильного дождя разлились, наполнили собой все низменности.

Поднялся пастух повыше, оленей своих за собою погнал. Не успокоился он, – к ветру пришел:

– Зачем задуваешь? С дождем, тучами темными, споришь? Залили вдвоем всю равнину, негде теперь мне скот пасти.

– Иди отсюдава ничтожный человечиска, а не то сорвусь, разметаю твоё стадо и жизни тебя самого лишу. – Задул ветер с удвоенной силой, начал со злости скот по тундре разгонять.

Но пастух оказался не из робкого десятка, – с самого детства упрямый, пуганный непогодой и хищными зверями. Это его – пастуха была тундра, и скот был его, и правда была на его стороне. Поднялся пастух еще выше и оленей загнал в самое поднебесье. Обратился оттуда к Богу.

– Как же так, – Отец небесный, – я делом праведным занимаюсь, в тундре оленей пасу, чтобы стадо росло, семье и детям моим служило одеждой, пищей и кровом. Восхваляю дела твои в молитвах, чудеса твои в сказаниях передаю, чтобы знали люди наших о местах, о тебе, чтобы помнили.

– Чего там случилось? – спросил Бог у пастуха. Рассказал пастух про свою беду, о споре великом промеж стихий рассказал.

– Они там ругаются, а мы страдаем от этого. Помоги Отец, – успокой стихии. Не за себя ведь прошу: за семью и за деток моих, за стадо оленьё, что в тундре пасется. Не один я живу в нашей тундре, много нас, пастухов, на бескрайних просторах, и все как один страдаем.

Подумал Бог и решил помочь. Ударил он молнией посередине ветра и дождя. Прекратили они спор, успокоились, грома и молнии побоялись. Высекла молния старое дерево, упало оно, задымилось, загорелось. Тепло стало вокруг. Подошли олени с пастухом к горящему дереву, смотрят на пламя, греются.

– Повелеваю, отныне и навсегда, сыну моему человеческому служить правдой и верой, – сказал Бог огню.

– А тебе повелеваю, сын мой, – уважать огонь, кормить его, чтобы не угасал, не оставлять его никогда в одиночестве. Как Бог повелел, так все и вышло.

Служит огонь человеку, от того времени: теплом его одаривает, пищу готовит. Защищает, он, от хищников, другие стихии не пускает в пастуший чум.

Бежит зверь в тундре, чувствует запах дымный, – понимает сразу: рядом люди, – нельзя туда, огонь там страшный. Боится зверь огня, пуще смерти – не друг он ему, совсем не друг.

Разгуляются стихии за пологом чума, но внутрь боятся заглянуть: – сильный Дух в чуме живет, – Дух большого огня. Не терпит он чужого вторжения: ни ветреного, ни водного, ни звериного. Так и крутят они за пологом снаружи, но внутрь не заходят.

И пастух выполняет свое обещание: сохраняет огонь, поддерживает, первой пищей его угощает. Не оставляет огонь в одиночестве: всегда рядом с ним кто-то есть. Общается с ним пастух уважительно, как со своим старшим братом...

Дружили с огнем пастухи и охотники, уважали его, – за горячее сердце и за пламенный Дух. Нету в тундре стихии сильнее Огня. – Он единственный защищает людей от мороза и ветра, от пурги и урагана. – Он единственный освещает им путь. Связывает людей с их прошлым, настоящим и будущим. – Нету в природе другой такой стихии, что помогает людям и служит им по завету Бога. Как и в прежние времена идут пастухи своей дорогой, прославляют великий небесный промысел.

Пурга

Зима пришла в тундру, длинная и бесконечно белая. Поменяла сезоны местами, по своему порядку их расставила. Теперь, ее законы, зимние, будут править в тундре, редких ее жителей себе подчинять. Разбежались звери по своим углам, в укромных местах от зимы попрятались. Кто-то из зверей, в самый мороз, затаился, в самую холодную непогоду. А кто-то до весны далекой улегся спать, чтобы не просыпаться во сне, не ворочаться, чтобы не мерзнуть в холодной тундре. Тихо вокруг стало, безжизненно.

Ветер и пурга, здесь, надолго поселились, стали по-своему править, мороз старый кряхтящий с собой принесли. Всех подчинили стихии: и животных и растения, горы местные и камни, реки и топкие северные болота. Один остался не подвластным стихиям, крепкий Духом и телом своим Человек. Жил он по другим законам, по заветам природы и Бога – отца своего. Никак не прощали, за это, стихии Человека не покорного, все учить его пытались испытаниями своими испытать...

Пурга все никак не прекращалась, дергала чум за пологи, со злости трепала оленин шкуру. Не могла никак его разрушить, – людей оттуда выгнать не могла.

Кряхтел старый мороз, крепко сковывал воздух, и снег уплотнял своими ногами. Топтался он рядом с жилищем, прислушивался, услышать хотел, о чем говорили люди. Но как ни старался он, – ничего не услышал через стенки чума, любопытство свое никак не утолил. Рассердился тогда мороз, оленей пастушьих, с собаками, попробовал заморозить. Но не замерзли олени и собаки, потому, что природа, им, теплые шубы дала. Лежат они на снегу отдыхают, на ветер никак не реагируют и на крепкий мороз.

Усилилась пурга, подхватила дым сверху жилища и понеслась по бескрайней тундре. Непривычный запах у дыма, вкусный. Вдыхала пурга дым: голова у нее кружилась от этого. – Пьяная становилась пурга, вредная, непослушная. Утихала на время, она, оседала, чум человеческий белым посыпала...

Вышел пастух из чума, полог отогнул. Почерпнул из плошки горячего бульону, и мяса кусочек с вареной кости срезал. Пошептал что-то на своем языке, поднял голову к небесам и разбрызгал бульон с мясом по ветру.

Подхватила пурга брызги и мясо, и снова понеслась по бескрайней тундре, прихватив с собой крепкий старый мороз.

Почерпнул пастух еще бульону с мясом, слова другие прошептал и снова разбрызгал. Ухватил ветер брызги бульонные, с кусочком мяса, и унес их в высокие зимние облака.

Достал пастух ложкой горячего из тарелки, еще мяса кусочек отрезал. Слова повторил и опять разбрызгал. Помолился, он, Богу, за жизнь свою пастушью его поблагодарил.

Прилетел ветер из под самых облаков, схватил угощения человеческие. Насытил плоть свою воздушную, Дух, свой, голодный утолил. Насытилась и пурга, успокоилась, позволила снегу спускаться с небес. Снежинки у снега поменялись: вместо рваных морозных колючек, стали легкими и пушистыми. Заполонили собой Всё, что было на небе и на земле. Стало Всё невидимым, однотонным и белым, Ничего не видать сквозь волшебный пух. Звуки совсем приглушились, тихо стало в тундре, безмолвно.

Только в чуме негромко трескал огонь, разливал тепло по всему жилищу. Пастухи собрались вместе и сели ужинать, закончили все свои дела. На ужин у них как обычно: похлебка из оленины, сдобренная солью и душистыми травами. Потрудились пастухи, заготовили их, коротким северным летом.

Зима длинная в этих краях, целых девять месяцев без просвета и без тепла. Мороз здесь крепкий трескучий, порою сильно звенит, Землю собой выхолаживает. Вьюга воеет зимой, и пурга метет, – тоску на Природу вдвоем наводят. Тоскует она, печалится, былое прошедшее лето вспоминает.

Некому в тундре с морозом бороться, некому его прогонять. Так он и властвует на своей территории, сохраняет зимний порядок. Ни одна стихия зимой теплом не дышит, только лишь холодом, все ему подчиняются, все от него зависят.

Стабилен мороз в своей сути холодной, в отсутствии любого тепла. – В этом его сила, – в этом его весь морозный Дух.

Однако Природа сильнее мороза. Попечалится, она, зимой, покручинится, и за свое опять возьмется. Возвращает Природа весну назад, первые оттепели и ручьи с капелью, возвращает в великую тундру. За ней, за весной, птицы прилетают, новую жизнь за собой приводят. Просыпаются жители тундры, оживают, кормятся свежей пищей: зеленой и сочной. Плодится северная дичь, прирастает в тундре своим числом.

За птицами первыми и за весной поздней, наступает короткое лето. Не такое жаркое как на юге, но все равно долгожданное теплое.

Для человека, на севере, нет другой пищи кроме оленины, и кроме рыбы, пойманной в местных реках. Позаботилась природа-мать, дала пастухам верных спутников по всей их кочевой жизни. Где родились олени, как появились на свет, – только в легендах люди могли узнать. Служили они транспортом для людей, давали свои теплые шкуры и мясо. Вся одежда и обувь, и даже чум пастуший, и тот из оленьих шкур.

Так было всегда, сколько жив человек на севере. Много времени с того прошло, однако немного поменялось. Не придумал пока человек ничего лучше, что природа ему дала. Еще много времени пройдет, но ничего не изменится: небеса будут такими же синими, солнце будет вставать с рассветом и садиться на закате. Будут олени верно служить кочевникам, а огонь – стихия Богом завещанная, согревать их жилище. Кочевать будут северные люди, пока жив человек, пока жива наша Земля...

Милхай и Коля

Коля с Милхаем прибирались как-то во дворе. Подметали настил, мусор собирали, чтобы сжечь его в старой железной бочке в огороде. Долго прибирались, устали. Пошли на скамейку под деревом сели. Отдыхают там, разговаривают.

– Деда, а у тебя лошадь или конь были? – спросил Коля у Милхая.

– Ну да, – лошадь была, Зорькой звали! Батя, мой, жеребенком ее купил. Мама у Зорьки, скаковой была, – быстро могла скакать. На праздник, Сур Харбан, люди отовсюду приезжали, соревнования устраивали. Зорька, наша, первые места занимала.

– Знаешь, какие там призы были? – дед закатил глаза, вспоминая свою юность.

– Скажи, скажи...! – сгорал от нетерпения Коля.

– За первое место – юрта Монгольская из кошмы – дорогой подарок, ценный.

– Деда, а как это, – юрта из КОШКИ? – не расслышал внук. – Ты, наверное, шутишь. Мурка у нас живет, а её... – Не надо кошку на юрту...

– Да не кошка там, а кошма, – поправил Милхай. – Ковер, такой, из войлока, а войлок из шерсти бараньей или верблюжьей. Теплая получается кошма, ею юрту покрывают. Хорошо в ней и жару, и в холод. Снег и дождик тоже не страшны юрте. Летом, когда жарко, – кошму в один слой стелют; а зимой, когда холодно – в два.

– Деда, а юрту долго собирают?

– Если мы с тобой – долго, а если пастухи бывалые, – то быстро.

– А почему так?

– Потому, что они кочуют. Пару раз на дню: разбирают юрту, собирают. Первый раз – когда со стойбища снимаются, а второй – когда останавливаются на ночь. Я думаю, у них час на сборы уходит.

– Деда, а за второе место что давали?

– За второе – телегу конную. Хорошую крепкую, – с высоким бортом. Колеса тогда, у телег, были березовые, обернутые железной полосой. Долго служила телега, не скрипела, если вовремя ее смазывать. Ступицы дегтем набьешь, – тихо едешь, как будто на машине по ровной дороге.

Выражение слышал: «скрипит, как телега не смазанная»?

– А что оно значит? – задался Коля. Он сидел на скамейке и болтал ногами.

– Так про человека говорят, который вечно недоволен и на что-то жалуется.

– А третье место, – что за него давали?

– За третье место, – ковер шерстяной полагался. Тоже хороший – ручной работы. Его на стены вешали – для красоты или на пол ложили – для тепла.

– Деда, а какой был у Зорьки папа?

– Папа Зорькин – очень сильный конь, выносливый, хоть и беспородный. Зорька лучшие гены себе взяла: сильной была, выносливой – как папа, озорной и быстрой – как мама. Мы ее запрягали зимой и на санях по снегу... – Быстро по морозу на санях!

– А летом?

– Летом на телеге ездили: за сеном – на покос, или по воду к реке, пока колодцев своих не было.

Не заменимая она: чего по хозяйству увезти – привезти, самим куда съездить. Служила нам Зорька, а мы за ней ухаживали. Послушная была, не лягалась. Батя, её, подковывал, чистил на речке, купался с ней. Не было тогда другого транспорта кроме лошади.

– Так у вас даже великов не было? – удивился Коля.

– Ооо ... – Велосипед тогда был роскошью. Это сейчас машины в деревне через каждый двор. А после войны, только велики!

– А их много было, деда?

– Один только, на всю улицу, – у наших соседей. «Симсон» назывался, – немецкий качественный, мы на нем по очереди катались. Дед, друга моего, учил нас устройству. Показывал, как шарики из втулки доставать, цепь в масле как кипятить, чтобы не вытягивалась и долго служила.

Говорил он нам, что после дождя, грязь попадает вовнутрь, смазка от этого хуже становится, и металл начинает ржаветь.

– А что делать, если дождь?

– Разбирать! Мы, после каждого дождика, разбирали, велик, смазку меняли и снова собирали. До того натренировались, что с закрытыми глазами могли все сделать. Так вот соседский велик, стал для нас, первой технической грамотой.

– Деда, а роботы умные бывают? – спросил Коля.

– Чего это ты про них заговорил?

– Я, их, у Димки, в журнале видел.

Милхай почесал затылок:

– Думаю, что бывают умные, не могу ничего тут сказать. Но, мне кажется, какой бы умный робот ни был, человек все равно умнее и гибче.

– Почему, деда?

– Потому, что человека – Природа создала, а она сама совершенна и любые, ее, творения совершенны. А робота, даже самого умного, создал человек. Не мог он так все продумать, как Природа и как наш Создатель. Нету души у робота, – один только ум металлический. А у человека есть душа. Она с предками может связываться, истории их собирать. Еще может знания черпать, и в прежние жизни ходить.

Для чего человеку голова

Так, что Коля – все в человеке продумано, человек – это самая умная машина.

– Деда, а для чего человеку голова? – спросил Коля.

– Голова человеку – чтобы есть в нее..., – улыбнулся Милхай.

– А еще?

– Еще, чтобы, ей, говорить, – чтобы мысли, всякие мыслить.

– ...?...

– Глаза, еще, чтобы смотреть, а уши, чтобы слушать, – продолжил Милхай.

– А нос, чтобы дышать, – подхватил Коля.

– Еще, чтобы шмыгать им! – улыбнулся Милхай.

– Деда, а волосы, нам, зачем? – спросил Коля.

– Волосы – чтобы их постригать и прическу наводить.

– Ну, деда, – скажи серьезно!

– Можно и серьезно. Волосы как антенны у приемника, – любое колебание чувствуют, любую тонкую вибрацию. Через них голова принимает информацию, и через них же посылает.

Мысли, в нашем «приемнике», – как регулятор: в какую сторону подумает – на ту волну и настроишься.

– А как это?

– Видал шерсть у животных?

– У каких? – недоуменно спросил Коля.

– Да у любых, – у пса, у вашего, например?

– Ну, видел, и чего?

– А то, что он шкурой чувствует, так же как и любой другой зверь.

У нас же, у людей, шерсть только и осталась, что на голове да на бровях. Вот и чуем мы не шкурой как животные, а головой своей.

– Деда, а что значит – на бровях ходить? – тут же нашелся Коля.

– Эт, ты, где такое услышал? – удивился Милхай.

– Так тетя Клава в магазине говорила, когда Ванькин папа пьяный туда пришел.

– Вот, то и значит. Когда напьется человек, – не может стоять на ногах, падает все время, заплетается. Потому и говорят, что ходит он на бровях, что на них стоять не может.

– Деда, а если человек лысый, тогда как он мыслит?

– Тут другое дело, понимаешь. Сложно, мне, за всех людей сказать. Я тебе говорю, как оно изначально заложено. Лысый человек кожу свою использует как резонатор. У него все как и у других, но только немного по-другому.

– А почему?

– Потому, что все мы разные. Кто-то с большой шевелюрой ходит, а кто-то с короткой. У кого-то уши торчат, – как у нас с тобой, а у кого-то их совсем не видно. Кто-то большой и сильный, как дядя Андрей, а кто-то худой, как дядя Байра. У всех есть свои особенности, но как-то все живут, понимаешь?

– ...? – мотнул головой Коля.

– Ладно, давай этот разговор отставим на попозже, – он потрепал жесткие вихры у внука.

– Ты голову-то, свою, давно мыл?

– Ну, мыл.

– Дома?

– Не..., – у тебя, в бане.

- Так мы баню, неделю назад топили. Ты чего, мыться же надо, грязному нельзя ходить.
- Так я моюсь утром, лицо и руки, иногда не утром.
- Нужно полностью мыться, все тело обмывать.
- Давай-ка, мы баню, сейчас затопим. И чего твоя мама, за тобой не смотрит совсем?
- Она мне говорила помыться, а я сказал, что у тебя помоюсь.
- Соврал, что ли?
- Не... а, не соврал.
- Ну, мы же будем когда-нибудь мыться? – выкрутился Коля.

Колина «головомойка»

– Будем, будем, – прям щас и пойдем. Дров только натаскаем, и воды.

Давай-ка, Коля, дуй домой, бабушку предупреди про баню. Пусть нам чаю согреет, да покушать, чего-нибудь. А потом под навес сходи, веник с крыши достань.

Коля сходил в дом, бабушку предупредил, как Милхай велел, а потом пошел доставать веник.

Милхай, же, взял ведра и пошел набирать воду.

Баню затопили, воды натаскали, веник запарили. Жаркая баня нагрелась, хорошая.

Милхай Колю раздел, сам разделся и повел в парную париться. Шапку надел на себя с верхонками, а на Колю шапочку нацепил. Сидят в парной греются, Милхай Коле рассказывает:

– Замечал, такое: если голову помоешь, тогда и телу становится легче?

– ...? – пожал плечами внук. Он весь сморщился, покрылся капельками проступившего пота. Сидит рот свой от жары раскрыл.

– ... свежесть появляется в теле, – продолжил Милхай. Получается, – мы всю информацию лишнюю смываем. Голову очищаем от плохих мыслей, – он подкинул воды на каменку. Каменка зашипела, клубы пара из себя выпустила.

Коля, от этого, еще больше съежился, пересел на нижнюю полку.

– Жарко, что ли? – спросил Милхай.

– ... – Коля мотнул головой в ответ.

– Еще, когда моешься в бане, – идеи могут приходить, продолжил дед, как ни в чем, ни бывало.

– Задачи могут решаться с проблемами, которые раньше не решались. Так оно действует – очищение! – он достал запаренный веник, полил его холодной водой, отряхнул на каменку и стал себя охаживать.

Веником хлещет, жару нагоняет, – хорошо Милхаю!

Коля не выдержал, убежал в предбанник.

Милхай попарился, вышел, двери в предбаннике раскрыл, сидит на скамейке остывает с внуком.

– Голову, свою, лучше в чистоте держать! – продолжил рассказывать.

Коля сидит распаренный трет себя ладошкой. А под ней, кожа старая с грязью, в катушки собирается.

– Вот, видал как! – Щас попаримся, а потом помоемся! Новая кожа будет у нас, – молодая!

Коля молчит, устал он от жары, отдыхает.

– Хорошая банька, – дед легонько ткнул Колю в бок.

– Ну, остыли..., – пошли снова париться! – Милхай поднялся и пошел в парилку.

– Давай, давай, не сиди! – глянул на внука.

Тот опустил свою голову и смиренно пошел за дедом.

Знал Коля, что нужно париться в бане, и о том, что это «очень полезно для него». Слова, деду, поперед не говорил, потому, что знал его характер: ругаться дед не будет, но пока своего не добьется, никуда не уйдет.

Вошли они в парилку, уселись на полог. Милхай снова пару поддал. Жарко в бане, пуще прежнего.

– Всем микробам сейчас жарко, внутри организма, всем болезням от этого тошно, – продолжил Милхай. Достал веник, положил Колю на верхний полог. Стал внука охаживать веником. Парит его, кряхтит, а сам приговаривает:

– Терпи Колюня, шас мы всю грязь из тебя выпарим, всю старую шкуру обновим.

– Деда жарко, – взмолился внук.

– А кому сейчас легко? – Терпи, мне тоже жарко! Набрал в ковшик горячей воды, разбавил ее холодной, получилась теплая, даже прохладная. Полил на внука теплой водой, охладил его немножко.

Коля успокоился, лежит, греется на полке.

– Охолонил себя немного? – спросил дед.

– Угу, – ответил Коля.

– Тогда поехали дальше! – продолжил парить внука.

Попарил, его, водой теплой снова полил.

– Давай отдыхай, иди, а я сам попарюсь и тоже..., – за тобой.

Коля поднялся с полки и поплелся к выходу. Скрипнула дверь, – он вышел в предбанник.

В парилке слышались шипение и ритмичные шлепки от веника. Милхай подкидывал парку, парился, кряхтел от удовольствия. Не жалел себя нисколько, потому что любил это дело.

Отложил веник в сторону, поднял ведро холодной воды и опрокинул на себя.

– Ооо... о – хорошо! – зарычал Милхай и выскочил из парилки. Накинул на себя простыню и распахнул двери в огород. Стоит, отдыхается, свежий воздух в себя всем телом впитывает.

Коля рядом сидит, на Милхая смотрит.

– Как оно? – спросил Милхай, не ожидая ответа.

– Думаешь, почему я так бегаю, как папка твой, молодой?

– Почему? – безразлично спросил Коля.

– Потому, что баня – это сила! Полезная она, очень. В ней человек молодеет, все свои мысли в порядок приводит и свое здоровье!

– Помнишь, я тебе про времена года рассказывал?

– Ага, – ответил внук.

– Так вот напомним: Времена года это как рождение, юность, зрелость и смерть человека. Человек проживая в наших краях, каждый год обновляется.

– А баня тогда зачем...? – спросил Коля.

– В бане человек, тоже всю жизнь проживает. Только не за год, а за полчаса, пока парится, отдыхает и моется. Обновляет себя и свой организм.

Коля сидел и слушал. – А куда ему еще деваться? – Никуда не денешься, будешь все слушать как миленький, что тебе дед говорит. – В этом и есть вся мудрость старших, в этом она и была испокон веков.

Попарились Милхай с Колей, помылись. Обновились душой и телом в сибирской бане. Домой пришли, чаю попили, поужинали, с бабушкой поговорили. И чуть позже, они легли отдыхать.

Прошел еще один день в жизни Коли и его деда – Шамана Милхая.

Мир тот, что рядом

Однажды когда Милхай с внуком пошли на речку, Коля спросил:

– Деда, как эту бабочку поймать, она такая шустрая? Я дома мух на окошке ловлю, а бабочку никак не могу поймать.

– Понимаешь, мухи рядом живут, с нами, и нас они не боятся. Сидят до самого последу и только потом улетают. Потому и ловить их легко.

– А бабочка как?

– Бабочка в лесу живет, людей не подпускает близко. Потому и поймать ее тяжелее, чем муху с окна. Но если сильно захочешь то можно.

– Как?

– Сачком или другим способом.

– А каким? – удивился внук.

– А ты посмотри внимательно, представь себя очень маленьким – муравьем, на пример! Бабочки тогда, в сравнении с тобой, будут как большие птицы.

Дед остановился рядом и присел на корточки. Коля, озадаченный, тоже присел и внимательно посмотрел в траву. Долго всматривался, ничего не видел. Потом, вдруг, на глаза ему попался муравей, который тащил засохшую гусеницу, удерживая в своих маленьких клешнях.

«Вот это сила! Она же больше муравья в несколько раз», – подумал Коля. Он начинал понимать, что происходило в этом маленьком, насекомом мире. Коля становился всевидящим и всеслышающим, способным воплотиться в любую, даже самую малую букашку, прожить ее самую короткую жизнь на земле.

И тот муравей не стал исключением: Коля начал понимать Муравья.

Путь «маленького странника»

Путь Муравьишки лежал от старого куста с острыми колючками, до «большой горы», – его муравейника, возле крепкого векового дерева. Метров двадцать разделяли этот путь: для человека – ничто, однако для насекомого, с его тяжелой ношей и размерами, казались солидными и далекими. Муравьишка останавливался иногда, чтобы отдохнуть, и потом, спустя короткое время, снова продолжал свой путь.

Для него, как и для других мелких обитателей, не существовало другого мира, кроме того, в котором они жили. Мира, похожего на дикий непролазный лес, где травинки и веточки, были словно высокие деревья и лианы: взмывали в небо, иногда переламывались или переплетались друг с другом. Лес, тот, из-за своих малых размеров, был скрыт от людей, и потому был совершенно им не интересен.

Комары и мошки летали здесь, словно большие птицы, только вместо карканья, пения и чириканья они издавали сильные пронизывающие звуки.

Изредка, в самое жаркое время, на большие пальмы – цветы садились удивительные бабочки. Они поражали других обитателей «маленького леса» разноцветными узорами на своих больших крыльях. Муравей останавливался по дороге, любовался бабочками с их крыльями-парусами. Мечтал, что когда-нибудь, он обретет свои собственные крылья, и сможет оторваться от земли. Подняться высоко-высоко в небо, чтобы увидеть оттуда огромный луг, и весь лес вокруг него. Посмотреть, что там, за большим лесом, какие жители там живут.

А пока, он стоял внизу, рядом с высохшей гусеницей, и рассматривал большую бабочку, севшую на цветок.

«Какая же она красивая!» – подумал муравей. – «И у нее есть Небо!»

Тут совсем рядом пролетели кузнечики. Они мощно отталкивались своими лапками, раскрывали прозрачные крылья и высоко воспаряли в воздухе, стрекотали словно пропеллеры.

– «И у них тоже есть Небо!» – подумал муравей. – «Хорошо летать как бабочка, или хотя бы прыгать как кузнечи!»

В это время, на тропку, по которой шел Муравьишка, выполз большой дождевой червь. Словно большая красная змея, преградил ему путь.

«Как страшно!» – испугался муравей. – «Сколько раз это вижу – никак привыкнуть не могу». Он дождался, пока «красный земляной паровоз», перекатит наконец-то узкую тропку.

Муравей ухватил поудобнее гусеницу и пополз дальше.

Там, чуть выше, над землей, паук раскинул свою паутину. Хитрый «шестилапый охотник», – выслеживал свою «дичь». В двух местах его сети барахтались мошки, случайно попавшие в этот высокий «травяной лес».

Дальше, по тропинке, появились камушки и кусочки глины. Они как большие валуны, преградили путь муравью. Один бы, он еще пролез. Однако его тяжелая ноша не позволяла так просто перемахнуть через эти препятствия. С другой, открытой стороны, простирались глубокие лужи. Они были настолько большие, как огромные озера.

Муравьишка весь путь проделывал сам – не было у него помощников. Он полз по своей тропе, останавливался, отдохнуть, и двигался дальше. Менял направление, когда возникало препятствие, и снова полз. Муравей не роптал на судьбу и никогда не сдавался. Такая жизнь была, для него, одним и единственным смыслом.

Солнце осветило поверхность «большого озера». Посмотрело на муравья своими отблесками. Не выдержал муравей, зажмурился от этого блика, остановился снова. Тут же, высоко в небе, набегали тучки и закрыли солнце. На минуту стало хорошо и прохладно, и муравей

собрался было продолжить путь, как, по водной глади, совсем недалеко пролетел паук-водомер. Проскользил на своих тонких лапках.

«Как это у него, получается?» – удивился Муравьишка. Он опустил гусеницу и подполз к луже. Запустил туда свою лапку, но она тут же скрылась под водой.

«Вот бы и мне так! – Пробежался бы поперед лужи, чтобы вокруг не обходить», – подумал он глядя на удаляющегося паука-водомера. Маленький странник пошевелил своими усам, вздохнул разочарованно, ухватил гусеницу и пополз дальше. Опять выглянуло солнце и снова стало припекать. Внезапно поверхность лужи стала прозрачной. Теперь она просматривалась почти до самого дна. Там под водой «кипела» своя, невидимая жизнь, с другими обитателями и другими растениями. Она была наполнена своим, совсем иным смыслом.

Всех наделил мудрый Создатель своей уникальной средой и своими неповторимыми способностями.

Редкие гости в этих краях

Прилетели стрекозы, – редкие гости в этих краях. «Четырехкрылые вертолеты», грациозно зависали в воздухе, издавая оглушающий звук. Словно корабли невесомые, неподвластные земным законам: движения резкие, непредсказуемые: летят вперед, воздух рокотом разгоняют, рябь поднимают на луже. Потом резко меняют свой курс и летят в обратном направлении, без отката, безо всякой инерции. Глаза – огромные радары, следят вокруг, – все запоминают.

Стрекозы облетали луг, записывали в памяти эту местность и все происходящее вокруг. Откуда они прилетели и куда полетят после? – Никто не знает. Кому они передавали свои послания? Может быть, одному и единственному разуму, который управляет всем этим земным многообразием, кто имеет везде мириады глаз. Тому, кто знает все и про всех: и про людей, с их непростыми судьбами, и про животных лесных, и про небесных птиц.

«Вот бы и мне так!» – с восторгом, подумалось муравью. «Летать как эти стрекозы, не зная ни усталости и ни страха, парить и над нашим лугом и над водой больших луж».

Родители и наставники учили Муравьишку: «не покладая лап своих» трудиться, выживать в большом муравейнике. Держать свои желания приземленными, везде и во всем поступать, так как велят правила и как делают остальные муравьи. И муравей трудился, и поступал по правилам, хотя в глубине души он смутно догадывался, что где-то есть другой мир и другие возможности, там, где можно летать как бабочка, где можно жить лишь своим любимым занятием.

Клешнеголовый друг

Однажды, когда муравей, полз по своим делам, ему по дороге встретился большой черный жук. Его ороговевший панцирь отливал на солнце цветными благородными красками. Усы, в три раза длиннее панциря, шевелились поочередно, исследуя что творится вокруг. Клешни на голове, загнутые полумесяцем, были в разы больше и мощнее чем у муравья. Острые зазубрины внутри, позволяли хватать добычу, и, если нужно, то с легкостью перекусывать. Если такой ухватит свою жертву, то уже не отпустит, пока не переломит ее пополам. Не было хищников, среди насекомых сильнее его.

Животные тоже не рисковали с ним связываться. От такого легко не избавишься – может большую рану нанести.

Даже люди жука побаивались, – мало ли, а вдруг за палец укусит.

Жук и муравей знали друг друга. Они совсем не были похожи: один был маленький, а другой огромный, один подвижный и легкий, а другой нерасторопный, медленный. Однако, несмотря на всю непохожесть, что-то их объединяло.

Муравей восхищался жуком, таким большим и сильным. Не было над ним никого: ни старших, и ни командиров. Он сам себе командир, и сам себе старший. Попробуй такому командуй, попробуй таким поруководи: – любые «руководилки» обломает, любые «командирки» откусит. Хорошо, если живым вернешься после встречи с ним.

Жуку, муравей, тоже нравился, за его трудолюбие и за его простодушный и открытый характер.

Муравей поделился с жуком своими мечтами, рассказал ему о своих, настоящих крыльях. Еще рассказал о небе, о бабочке и о других насекомых, которые могли высоко летать над землей.

На его рассказы жук не сразу ответил. Подумал сперва неспешно, пошевелил своими длинными усами. Повернулся к солнцу своим черным перламутровым боком. Солнце осветило жука, словно зеркало, поиграло, на его спине, яркими солнечными зайчиками. Один такой «зайчик» прыгнул в сторону муравья и на какое-то мгновение ослепил его. Муравей зажмурился, ослепленный светом. Но потом раскрыл глаза.

Жук рассказал своему маленькому клешнеголовому товарищу, что придет когда-то время и у него тоже вырастут крылья. Тогда муравей сможет оторваться от земли и полететь туда, куда ему захочется. И никто, ему, не будет указывать, как жить, и никто не будет им командовать.

– А если не вырастут крылья, что тогда? Ведь у моих братьев и сестер нет крыльев, и у моих родителей тоже нет.

– Поверь мне, есть муравьи с крыльями, – уж я-то знаю, я многое повидал в этой жизни! – важно ответил жук, сверкнув на солнце своим черным панцирем.

– А если не вырастут? – опять повторил Муравьишка.

– Даже если не вырастут, – ты все равно полетишь. Главное захотеть и поверить, – ответил мудрый жук. Он раздвинул свой панцирь, раскрыл большие прозрачные крылья и медленно, как огромный винтокрылый самолёт стал подниматься в воздух. Раздалось сильное жужжание, Муравьишку обдало потоками разгоняемого воздуха. Он еле удержался на месте. Мелкая пыль вихрями разлетелась по сторонам.

«Главное захотеть и поверить!» – повторил про себя Муравьишка.

– Но как же я? – только и успел он сказать, как жук набрал высоту, выбрал направление и быстро скрылся из виду. Поляна неожиданно опустела, и стало тихо. Лишь солнце изредка

проглядывало сквозь густую траву, да легкий летний ветерок колыхал стебли и веточки высоких кустарников. А Муравьишка все стоял и смотрел зачарованно в небо, туда, куда только, что полетел его старший черный друг. Ему сразу вспомнилось недалекое детство, когда он хотел порхать как бабочка, перелетая с цветка на цветок. Красиво зависать, как стрекоза над лужей; жужжать как муха или хотя бы пищать, в легком полете, как комар.

Главное – захотеть и поверить!

Прошло время, муравей еще подросток. Теперь он забирался высоко на травинку и прыгал вниз, в надежде, что у него за спиной вырастут крылья, и он наконец-то полетит. Но, к сожалению, его опыт говорил об обратном. Муравей падал на землю, и крылья так и не отрасли. Однако Муравьишка не хотел сдаваться, – теперь у него была мечта!

Главное – захотеть и поверить! – повторял Муравей, когда ему было совсем трудно.

Когда на него смотрели с укоризной его родители и старшие товарищи. Муравьишка продолжал жить своей жизнью и делать свою не легкую работу.

«Ну, хорошо... – крылья у меня не растут, – так что из этого? – Неужели не существует других путей? А может быть можно летать без крыльев? – Но как...?»

– А может... , может им времени не хватает, чтобы вырасти!» – как озарение пронеслось у него в голове.

«Травинки – ну да, – они высокие, но падать с них быстро, – мало времени. Нужно найти что-то другое», – он поднял голову и увидел высокий куст.

«Вот, это будет получше!» – подумал муравей. Он смерил взглядом куст, и прикинул высоту самой высокой травинки...

«Эх, все равно не успеют отрасли». Он пополз дальше по лесной тропке в сторону родного муравейника.

«А что если подняться на дерево, на самую высокую ветку – Вот откуда и можно прыгнуть, и времени хватит для крыльев».

По возвращении домой, он поделился идеей со своим лучшим товарищем. Но тот почему-то начал отговаривать муравья:

– Да ты, что: – какое дерево, – куда прыгать? Посмотри на себя, ты же не кузнец и не муха. Это они могут прыгать и летать. А мы, муравьи, – можем только ползать. Придумал, мне, тоже, – на дерево... Это ж так высоко, – ты же разобьешься! Бросай свою глупую затею, иди, лучше, работай. – Это самое верное средство от глупостей.

«Глупая затея» – словно эхом пронеслось в голове у муравья.

И он послушал своего товарища: оставил затею, успокоился и продолжил жить своей обычной жизнью. Продолжил работать и ползать по земле: от одного куста к другому, от дальнего дерева к ближнему, от лужи и до муравейника. Его теперь окружали другие муравьи. Они посмеивались над ним и над его мечтами, называли его странным и всячески подтрунивали над маленьким метателем. Меньше стало в жизни Муравьишки кузнецов и бабочек, таких прыгучих и порхающих, – меньше стало в его жизни чистого и высокого Неба.

«Мечты не сбываются», – думал порой муравей, и начинал грустить. Но потом он брал себя в руки и продолжал жить как все остальные и делать свою работу. Он почти, что смирился с тем, что никогда не увидит свое Небо.

Так продолжалось изо дня в день. Одно и то же: одна и та же работа, одни и те же лица и серые, ни чем не отличающиеся друг от друга будни. Все длилось до тех пор, пока однажды не произошло событие.

Живица – хороший повод

В муравейнике вдруг за понадобилась живица. Зачем, для чего? – Муравьишка этого не знал, да и особо ни у кого не спрашивал. Послали их вдвоем, с его старшим товарищем, добыть живицы на старом дереве. Высоко добираться, трудно, – задание не простое, не легкое. Однако Муравьишка согласился сразу. Все лучше чем по тропе ползать, – каждый день одно и то же.

Они, со своим товарищем, неспешно полезли вверх, цепляясь лапками за шершавую бугристую кору. Долго поднимались, останавливались, чтобы отдохнуть, и снова поднимались вверх. Когда добрались до первых веток, увидели на древесном стволе старую рану. Когда-то охотник шел по лесу, и, чтобы не заблудиться, сделал зарубку – стесал топором кору. Дерево защитилось – живицу выделило, и раны, его, стали затягиваться. Хотя до конца так и не затянулись. С тех пор, каждый год, на дереве появлялась живица.

– Свежую, нельзя трогать, – предупреждал Муравьишку товарищ.

– А почему?

– Липкая потому, что. Липче, чем сеть паучья. Если в нее попадешь, не выберешься, и никто тебе не поможет.

– А как мы ее соберем?

– Мы свежую не возьмем, – возьмем старую, застывшую, – он пошевелил длинными усами, указывая на красновато-коричневый участок на стволе.

– Так это и есть живица? – удивился Муравьишка.

– Она самая! – ответил старший товарищ. – Давай, помогай. Он уперся лапками и начал откусывать кусочек своими мощными клешнями. Муравьишка тоже откусил увесистый кусок, да такой тяжеленный, что едва удержался на дереве, когда тот полетел вниз. Он крепко схватил свою добычу и стал осторожно спускаться. Так не торопясь, они добрались до муравейника, доставили туда кусочки ценной живицы.

Позже, уже стоя земле, Муравьишка подумал: – «Как же высоко мы залезли! А если подняться еще выше, – на самую высокую ветку. – Вот откуда можно прыгнуть!»

Он долго стоял в нерешительности, сомнения и легкий страх одолевали его. Солнце освещало, муравья, такого маленького и слабого.

«А что он может, и зачем ему все это? – И что за идея, такая, глупая, не дает ему никакого покоя?»

Муравей постоял немного, еще немного посомневался. Потом глубоко вздохнул и решился.

Или сейчас или никогда

«А чего тянуть? – Или сейчас, или никогда!» – подумал муравей. Он, собравшись с духом и полез обратно, на старое дерево, на самую высокую ветку. Долго поднимался, не оглядываясь. Цеплялся лапками за крепкую кору, обходил смоляные выступы, чтобы не увязнуть в янтарно-тягучей массе. Чем выше он поднимался, тем сильнее его охватывало волнение. Сердце, его, стучало сильнее и сильнее, и, с каждым новым шагом, с каждым движением росло напряжение. Однако, чем выше он поднимался, тем сильнее ощущалась волнительная свобода, такая непонятная и такая манящая.

Тяжесть постепенно проходила, и на душе появилась легкость. Она охватила все тело и самую суть маленького существа. Вокруг него начал закручиваться новый, неизвестный мир. Любые, едва уловимые колебания, здесь, наверху, становились заметнее. Крона у дерева, его ствол и ветки раскачивались в такт малейшим дуновениям ветра.

Муравей продолжал ползти вверх, никуда не оборачиваясь. Перед его глазами расступалась густая растительность, а за ней сияло летнее солнце, и проплывали белые облака на прозрачном небе. Огромные птицы пролетели рядом. Большие, гораздо больше бабочек, быстрее комаров и мошек. Они были совсем не похожи на стрекоз или кузнечиков, или даже на старого мудрого жука.

Другой мир открывался Муравьишке, другие существа его населяли. Неожиданно Муравьишка почувствовал свою воздушную суть. Суть новую и легкую, ту, ради которой ему хотелось жить и преодолевать препятствия, любые границы которые вставали на пути. Он все еще сомневался, правильно ли делает. Однако второго шанса не будет, если вдруг все пойдет не так.

Чем выше муравей поднимался, тем тоньше становился ствол у дерева. Ветки расступались постепенно, – небеса открывались маленькому Муравью.

Неожиданно волнение охватило его, непонятное и щемящее чувство, – то, которое он испытывал лишь однажды, в своем далеком детстве.

То были новые грани его существа: ветер – легкий как сон перед рассветом, воздух – чистый как первый глоток воды, солнце, – как самая светлая суть на земле!

Он поежился от охватившего чувства, остановился на мгновение. Ствол и ветки снова пришли в движение. Муравей только крепче вцепился в кору.

Волнение прошло так же неожиданно, как и появилось, на душе осталось спокойствие. Он сразу вспомнил колыбельную песенку, которую когда-то пела мама:

*Спи мой маленький мальши,
Дождик капает по крыше.
Все давно уже уснули,
Глазки все свои сомкнули.*

*Спит синичка, спит сурок,
Спит жучок и паучок,
Спят животные и птицы,
Насекомые и рыбки*

*Солнышко давно уснуло,
В ночке темной растворилось,
Укрывалось облаками,
Освещать оно устало.*

*Горы, степи и леса
Укачали небеса.
Тучки в небо прикатили,
Лунный свет загородили.*

*Новый день наступит скоро
Отдохнувшим и веселым.
Ты проснешься, я проснусь
Снова утро будет пусть!*

(Колыбельная сыну)

Вот тебе крылья!

Муравей успокоился. Он набрал в себя больше воздуха, выдохнул и прополз еще выше. Там, почти у самой макушки, он прополз по мохнатой ветке, и крепко зацепился за пожелтевшую хвою. Оттуда, сверху, его родной муравейник показался совсем маленьким, а муравьи, обитавшие в нем, и вовсе стали невидимыми, словно мелкие песчинки на речном берегу.

Налетел сильный ветер, дерево зашевелилось, зашумело, ветки заколыхались. Оторвались хвоинки с муравьем и полетели вниз. Их закружило, вращая все сильнее и сильнее. Земля и небо, ветки и трава завертелись перед глазами.

Время замедлилось. Все что происходило вокруг, – стало не реальным, не настоящим.

Муравей продолжал крепко держаться за хвоинки, не понимая, что происходит.

«Я, наверное, падаю. Сейчас, у меня, вырастут крылья! – Поскорей бы, – промелькнула мысль. – Если не вырастут – разобьюсь».

Крупные и мелкие ветки пролетали мимо. Они, едва не сталкивались с Муравьишкой и с легкими хвоинками, за которые он крепко держался.

«Но, как же крылья?» – только и подумал Муравьишка.

– Вот, тебе ..., – прошепестел ему Ветер. Он поймал, насекомое пожелтевшим сухим листом, который оторвал от соседнего дерева. Легкий березовый лист стал теми крыльями, о которых мечтал Муравьишка.

– Как же здорово получилось! – подумал с восторгом маленький испытатель.

– Пожалуй, – согласился с ним Ветер. Он улыбнулся своей веселой улыбкой, и понес Муравьишку вверх, задувая все сильнее и сильнее.

Желтый воздушный корабль

Маленький одинокий странник летел на своем листке. Он то поднимался в небо, выше самых высоких крон и макушек, то опускался, пролетая низко над самым над лугом. Никто не обращал на муравья никакого внимания. Все продолжали жить своей обыденной жизнью. Его собратья трудились по-прежнему, даже не догадываясь, что совсем рядом, есть другая, воздушная жизнь, жизнь, которая доступна каждому, нужно всего лишь сильно захотеть. Один лишь Муравьишка, пролетая над ними, видел этот мир по-другому. Видел, так как его видят небесные, большекрылые птицы. Он созерцал родные места с тех самых высот, куда никто не поднимался, из его окружения: ни кузнецы и ни мошки, ни мухи и даже ни фантастические стрекозы.

Ветер все поднимал и поднимал желтый воздушный кораблик. И теперь уже было так высоко, что муравью становилось страшно. Однако боялся он нисолько высоты, безграничной и поглощающей его взор, сколько пугающей неизвестности. Он боялся улететь далеко, далеко, совсем в другое место и уже никогда не вернуться в свой родной муравейник.

Сильный ветер продолжал веселиться, подгоняя золотистый воздушный кораблик. И никого рядом: ни души и ни звука, одно только синее небо и белые облака. Там, высоко в небе летел маленький Муравьишка. Он все так же крепко держался за край листа, шевелил своими усами и внимательно разглядывал проплывающие под ним далекие лес и поле, речку широкую, которую он никогда не видел.

«Где же мой дом...», – подумал Муравьишка, обдуваемый воздушными потоками. – «Но как же я теперь вернуться?»

– Вернешься, еще..., – прошептал ветер, продолжая поднимать муравья выше и выше.

Солнце, светившее на земле своими яркими летними лучами, здесь почему-то спряталось, появилась прохлада. Ветер поменял направление, стал кувыркать листок, поворачивая, его, разными сторонами. Муравьишка опять наблюдал небесный круговорот.

Ветер продолжал подгонять листок своими потоками, и чем выше он поднимался, тем становился слабее и слабее. Постепенно он почти утих. Тут кораблик подхватили другие, – горизонтальные потоки. Они проплывали в других, высоких горизонтах, каждый на своем месте, каждый в своем направлении. Они чем-то напоминали течения в безгранично-прозрачном небесном океане. Маленький «золотистый парус» больше не поднимался вверх, но плавно поплыл вперед. Внизу виднелась деревня с ее обитателями, – двуногими великанами, которые иногда появлялись в лесу и на лугу, где жил Муравьишка. Когда они проходили мимо, то могли нечаянно раздавить любую букашку, комара или даже большого жука. Но здесь, на такой высоте, муравей не боялся, что его раздавят или съедят. – Он теперь высоко и никто его здесь не достанет!

Муравьишка увидел солнце, такое близкое и теплое. Неожиданно он ощутил влагу и плотность проплывающих рядом облаков, силу могучего ветра, способного разрушить мир, или сотворить чудо. Здесь, высоко в небе, Муравей обрел наконец-то свое счастье!

Он многое узнал и увидел, многое пережил на пути к своей мечте. Теперь же ему предстоял путь назад, в его родные места, в родной муравейник к своим родителям, к своим любимым братьям и сестрам.

* * *

Так, просто и незатейливо, глазами маленького муравья, Коля увидел совсем другой мир, очень маленький и очень интересный! Теперь уже Коля не хотел ловить бабочек и мошек.

А когда он шагал по лугу, то аккуратно ступал на траву, стараясь заметить, и не раздавить какое-нибудь мелкое существо.

– Деда, мне так понравилось! – Мир такой маленький, и в нем все живут. Я видел муравья, который тащил гусеницу; паука, – он ловил мух и комаров; червя дождевого, – он был похож на огромную змею.

– Еще, чего ты там увидел? – спросил Милхай.

– Еще, там были стрекозы, как большие вертолеты; цветы как пальмы; трава и веточки как деревья и лианы. Я даже начал понимать муравья и все его желания!

– И какие у него были желания? – улыбнулся дед.

– Он смотрел на бабочку и мечтал летать как она. А потом, деда, – он полетел, но только не на своих крыльях, а на маленьком листе!

А еще там была лужа, большая как наше озеро, и в ней были свои жители и растения.

– Очень интересно! – подтвердил Милхай.

– Все как ты мне рассказывал про мир животных и людей. У насекомых тоже свой мир и они похожи на нас! – перевел дух Коля.

– Ну, вот и хорошо. Посмотрели, а теперь идем дальше. И они пошли: старый деревенский Шаман и его маленький внук. Сколько еще будет подобных открытий, сколько жизнь предоставит новых уроков?

Мудрый Создатель улыбнулся довольно, и пошел по своим делам, полетел вслед за теплым ветром, за лес высокий и за дальнюю гору. – На сегодня, у него оставалось, – одним делом меньше.

Разговоры с сыном. Наставник Милхая

– Батя, а у тебя наставники были – спросил однажды, отца, Степан.

– Да, был, – наш, местный, давно, правда. Я только на ферму пришел, после учебы, а он механиком уже работал. – Никифор Аполлонович, – уважаемый человек, – очень скромный и простой. Его начальство кликало – Никифор, а мужики наши, звали, его, Аполлоныч.

Когда я стал фуражиром, мы познакомились поближе. Проблем у меня тогда было – полным-полно. С народом толковать, чтобы работу делали. Где-то жестко приходилось разговаривать, даже с матом и с крепким словом. Где-то, наоборот – мягко и по-свойски. Не всё же на собраниях решается, – на колхозных совещаниях. Бывало, запанибрата общались: за одним столом, с тарасуном, с хорошей закуской.

Потолкуешь с человеком, за жизнь с ним поговоришь, – он тебя поймет. Люди ценят такие вещи, когда ты рядом, когда команды понятные и всё по справедливости. Потому и уважают, и не подводят. И даже если аварии случаются или авралы, тогда никого не нужно упрашивать, остаются работать безо всяких слов.

– А как с начальством? – спросил Степан.

– С начальством всегда аккуратно. На то оно и начальство, чтобы все видеть и за всеми присматривать. Вот, как раз там, за общей работой, мы и сдружились с Никифором.

Никифор старше меня был, опытнее, жизни больше моей видел. Мы с ним хорошо ладили, не смотря на разницу в возрасте. Общие интересы находили. Никифор Аполлонович помогал мне. А я тогда молодой был, не сдержанный. Сам на месте не сидел и других своей энергией доставал. Где надо головой подумать, до меня через ноги только и доходило. Характер горячий, мог обидеть случайно, или жестко ответить. Когда от начальства команду получал, старался сразу выполнить.

– А Никифор, какой был?

– Никифор Аполлонович, совсем другой: уравновешенный, – осаживал меня, в моих порывах:

«Не горячись, брат, сделать всегда успеешь. Ты сперва подумай, обмозгуй, посоветуйся с кем положено. Люди ведь не дураки: все видят и все понимают. И тебя поймут и твое решение тоже, если им объяснишь».

– Батя, а почему не торопиться? – удивился Степан.

– Потому, что наверху проверять могут: задание дадут не выполнимое, или бумажку не выгодную заставят подписать. Если спешишь – нервы себе выкрутишь и с людьми поругаешься. Дело свое не сдвинешь с места. А еще, – не торопись обещать, проси времени на раздумья, хотя бы день, или, в крайнем случае – час.

Любой идее нужно отстояться

Посоветуйся, прежде, со знающими, а уж на следующий день слово держи перед людьми.
– Так ты наверху авторитет заработаешь. Любит начальство, людей взвешенных, степенных, кто много думает, варианты прокручивает, и потом принимает решение. Любят тех, кто не отступает до самой победы.

И мужики, наши, уважают таких, кто с ними совет держит, а после, берет на себя всю ответственность.

В деревне сам знаешь, такой менталитет! – поднял указательный палец Милхай.

– Любой идее нужно отстояться. Хотя бы день и ночь, а после решение само придет.

– И как же ты? – спросил Степан.

– А как? – Не верил советам, все по-своему делал. Ругался с людьми и с руководством тоже. Был на плохом счету у них. Меня, за такое дело, на партком вызывали, выговор в карточку заносили. Вопрос даже поднимали о моем соответствии должности.

Вот, я тогда попереживал! – Не спал ночами, все думал, как людям в глаза буду смотреть.

– И чего наставник твой? – спросил Степан

– Вступился за меня Никифор Аполлонович, – взял под свою ответственность, на испытательный срок. Вдвоем то оно полегче. – Но мы справились.

Наставлял он меня, как с людьми разговаривать. – С кем-то жестко, по-командирски, а с кем аккуратно и с уважением: одного поощрить, а другого наказать.

«Нельзя с народом под одну гребенку, к каждому свой подход нужен», – учил он меня.

Тогда, после опыта своего, стал я делать, как Никифор меня учил. И тогда все на лад пошло.

Вот оно, как, Степа, – не один ты ошибками страдаешь, и я тоже ошибался.

– Понятно, – ответил Степан. – А как работа, как вы вместе работали.

– Нормально работали. Всякое у нас случалось: и вечёрки и ночевки, где-то план горел, – не успевали, где-то ремонт.

Никифор Аполлонович всегда помогал: человека нужного советовал, чтобы проблему решить. В перепалках колхозных, когда люди скандалами грозились, или начальство с руганью, на парткоме, – он слово веское вставлял, разряжал обстановку. Помогал мне авторитет заработать.

А еще, знался Никифор с важными людьми, связи у него были. Он меня, в свой круг вводил, знакомил с нужными людьми. Сам знаешь, в неформальной обстановке лучше дела делаются.

Мы, с Никифором вместе, праздники отмечали в компаниях, дни рождения, свадьбы, юбилеи.

По-отечески, можно сказать, он заботился. Рядом с ним я понимал: есть в жизни люди надежные, которые никогда не подведут, твои самые сокровенные тайны сохранят. А главное, такой человек, подножку тебе не подставит и нож в спину не воткнет.

Рядом с Никифором, чувствовал я себя уверенно.

Случись авария или ситуации непонятная – он принимал решение, всю ответственность на себя брал. Порой мне даже казалось, что Никифора ни какое событие не может расстроить. Никакой стресс не сможет выбить из седла. И это не только я подмечал, но и другие.

Аполлоныч, умудрённый жизнью

Старики деревенские говорили нам: Аполлоныч спокойный, потому что жизнь прожил и, во всех трудностях сам побывал.

Даже помню: когда он появлялся, напряжение сразу спадало, и люди успокаивались. Влиял, он, на других, своей уверенностью и спокойствием.

– А потом, что, – спросил Степан.

– Потом вы родились с сестрой. Заботы, у нас, хлопоты: сперва больницы, детский садик, школа. Школу окончили и дальше учиться пошли.

Нам с мамой, в то время, колхоз землю выделил и денежную ссуду для строительства. Мы тогда новый дом построили, тот, где вы сейчас живете. Сами же, в дедов перешли, только подремонтировали прежде.

В нем сейчас и живем, в нем и место, наше, родовое. Потому обряды у нас во дворе делаются.

– Батя, а как тогда было, в твое время, – чего интересного, – чем вы занимались?

– Времена хорошие были, у меня хорошо складывалось и на работе и в жизни. А занимались чем? – Да тем же чем сейчас: в колхозе работали, у других, профессии своей, учились. Трудились много, хозяйство восстанавливали, пятилетки в три года выполняли. Все было четко, почти по-военному.

Жестко тогда спрашивали, с любого руководителя, даже с самого маленького. За невыполнение плана могли премии лишить, или даже партийного билета. А за серьезные нарушения могли и срок дать.

– Ого? – удивился Степан.

– Вот тебе и ого, – ответил Милхай. – Ты как думал? Такую войну прошли, столько людей потеряли. Почти в каждой семье кто-то не вернулся с фронта. Страна в разрухе: и в городах и в селах. Хозяйство народное восстанавливать нужно, и за короткий срок.

У нас тогда и выбора-то другого не было: кроме как учиться и работать.

– А как вы отдыхали?

– Отдыхали в компаниях, на гулянках. По магазинам не ходили. Все свое, на огороде росло и в стайке бегало. В магазине, разве что, соль и спички. Ну хлеб там и товары какие, совсем необходимые.

Одежа – само шитая, в основном, – редко когда покупная. Обувь из-под мастера обувного, – был у нас обувщик в деревне.

– Интересно, – сказал Степан.

– А чего там сложного. Это сейчас ремесла забыли. А раньше, давно, – народ кочевал. Тогда и меня-то не было и родителей моих. Все, что было на себе – все своими руками делалось. Нет, торговля была, конечно, и кое-что выменивали на шкуры, на солонину. Меха ценились, если кто охотой промышлял. Но в основном все сами делали.

Мебель сами изготавливали, и по дереву, если чего. А вот железный инструмент, подковы, ножи, топоры – кузнец ковал.

– Батя, а культурно чего-нибудь было у вас?

– Было культурно, – в молодости моей. Кино к нам приезжало культурное. Один раз в месяц, – на грузовой машине, из поселка.

Народ, о таком событии, загодя извещали, – объявление делали в колхозе и в школе.

Люди у почты собирались, вечером. Натягивали простынь на стену, пленку в кинопроектор заряжали. Фильмы крутили про войну и про нашу Родину. Хорошие фильмы – душевные.

– Интересно как! – сказал Степан.

– Вот так оно и было, – ответил ему Милхай. Помял свою кепку в руках. Потом надел ее на голову и посмотрел вдаль. Вспомнилось ему время в жизни, время своей далекой молодости.

– Батя, ты про Никифора еще расскажи, будто вырвал из воспоминаний Степан Милхай почесал затылок, сдвинул кепку на лоб и призадумался:

– Помнится, как-то Никифор собаку мне подарил. Наш старый пес, помер уже. Некому было хату сторожить. Вот и спросил я на работе: – может, есть у кого щенки от хорошей собаки. Мне тогда много разных советовали. А Никифор отвел меня в сторонку, и, так негромко, мне сказал:

«Зачем тебе дворняги беспородные, – от них толку мало. Я тебе хорошую собаку найду, ты только не торопись».

И точно, пара недель прошла, и он принес щенка немецкой овчарки. Пушистый весь, черный, только грудь и кончики лап белые. Из города, из питомника, специально привезли. Никифор говорил мне тогда, что это на день рождения мой, подарок от него.

Дорогой подарок получился. – Хорошая собака всегда хороших денег стоила. Очень умный пес. А когда он вырос, на задних лапах – почти с меня ростом был. Такая вот память осталась, от друга моего, – Никифора Аполлоновича.

– Батя, а почему память? – не удержался Степан. – С ним то чего случилось?

Уход наставника

Был момент, помнится: уборочная уже заканчивалась. План годовой «горел», хлеб убрали круглосуточно. А техника, – на то и есть, чтобы ломаться от работы.

Никифор Аполлонович болел за хозяйство всей своей душой. По вечерам ездил на колхозном УАЗике. Диспетчеру в поселок звонил, обстановку докладывал. Если нужно было, запасные части в поле привозил.

В тот раз, возвращался под ночь, уставший ехал. Поднялся с грунтовки на основной тракт: дорога хорошая, асфальтированная, можно большую скорость набрать. Километров восемьдесят в час шел, домой торопился. Темно тогда было, – не видать далеко. В сумраке он увидел, тени, – почти перед самой машиной, – фары их осветили. Быстро все произошло и неожиданно.

Никифор по тормозам ударил, но тормозного пути не хватило...

Хватились Никифора Аполлоновича только под утро. Нашли, его в смятой машине. Лицо почти не пострадало, но шея, поломанная и все тело. Не было, на лице, ни паники и ни страха. Как будто в обычной жизни: он просто лежал, отдыхал.

Позже выяснилось: кони выскочили с поля и стали дорогу перебегать. Никифор Аполлонович от удара уходил, колеса поставил в юз, и, на большой скорости, слетел с дороги. Машина перевернулась несколько раз и встала на колеса. Все у нее было на месте, только уже без крыши.

Медики из поселка, что на аварию приехали, – сказали, что смерть была мгновенная. Никифор даже испугаться не успел.

Матёрым зубром называли

Старики местные говорили промеж собой, что это духи пришли за Никифором. – Что закончил он путь на земле. А еще говорили, что он не мучился, – сразу ушел на небо, – к своим предкам. – Все потому, что не было за ним грехов и плохих дел. А добрых дел, – было много.

При жизни, Никифора, – Зубром матерым называли. Горел, он, сердцем своим и за собой других увлекал. Не прятался за чужими спинами, ответственности не боялся. Таким его и запомнили:

– Жил как в бою, – на самой передовой, и ушел по-солдатски! – остановился Милхай, вытер рукой проступившую слезу. Никак он не мог забыть своего наставника. Долго еще сидел молча, о чем-то вспоминая.

Степан сидел рядом с отцом. Он тоже молчал и ничего не спрашивал.

Прошло с минут пять, а может больше. Милхай успокоился, пришел в себя и продолжил.

– На том месте, где Никифор разбился, – знак поставили, чтобы водители скорость свою снижали. Но знак ничего не поменял, – люди все равно попадали в аварии.

И про это старики говорили: – Духи свою норму требуют, – по любому поводу забирают людей.

– Так, что Степа: далеко собираешься – капай перед дорогой. На святых местах спичку с сигареткой ложи, монетку серебряную. Проси у духов, чтобы тебя пропустили. Предков наших родовых вспомни. Благодарствуй за все, что есть у тебя: за детей и за семью, за дом и за работу. Прощения у них попроси за то, что тревожишь.

– Батя, а я слышал, водку нельзя с собой брать. Почему так? – спросил Степан.

– Если нету надобности, – не бери. Без нее можно по дороге ехать. А когда доберешься, куда хотел, – там и купишь ее.

– Но почему? – не унимался Степан.

– В водке, вся энергия собрана, – видно ее в любом месте. Если едешь и водку везешь, да еще и не капашь, тогда Духи могут рассердиться, аварию могут устроить.

– А если и капать, – то чем?

– Капать лучше молоком, или белой пищей. Ты же не старейшина и не шаман. Им можно водкой и тарасуном, – ответил Милхай. – Я же про это на обрядах рассказывал.

– Не помню, еще повтори, – попросил Степан.

– Повторяю, – запоминай хорошенько:

Водкой, простому человеку, капать не надо. Там, где капают люди, – места очень тонкие. Духи могут туда приходить. Ладно, просто придут, и ничего не сделают. Но могут там и темные появиться. Преследовать человека станут. Человек не готовый, не выдержит, – умом своим тронется, или в случай несчастный попадет.

– А старейшины, тогда как? – уточнил Степан.

– Старейшины и шаманы – готовые люди. На обрядах бывают и многое видят. Защита у них сильная. С ними вряд ли чего случится. Так что, Степа, слушай, чего тебе говорят, и делай, – а в подробности не лезь. Народ эти вещи давно заметил, – народу можно доверять.

– Батя, тогда скажи: почему не справедливо получается? Духи ведь неугодных забирают, – тех, кто мерзкое делает, – не удержался Степан.

– Так и есть.

– Но, как же Никифор? У него ведь все по-другому было, – возразил сын.

– У него по-другому, – да. Лучших людей тоже забирают. Только в другое место, туда, где они нужнее, – ответил Милхай. Он снова прервал разговор. Посмотрел наверх, где сияло солнце, и где проплывали облака. Подумал о чем-то своем.

– Когда Никифора Аполлоновича хоронили, много народу понаехало. Из округа были люди, из области. Даже из Москвы прилетел земляк, из министерства.

Хорошие слова говорили, добром поминаниями Никифора Аполлоновича. Председатель, наш, не удержался, – заплакал, – да и не один он плакал.

Остался Никифор, в памяти у людей, добродушным и улыбочивым. Для него, дело сельское, – было на первом месте, а понятие Родина было не пустым звуком.

Похоронили, его, рядом с отцом и дедом, – на общем деревенском кладбище.

Разного я повидал к тому времени. Видал, как старики уходили. Как зрелые люди – в самом рассвете, и как совсем молодые. Но когда он ушел, будто все поменялось. Жизнь моя стала пустой и бессмысленной. Ходил я, как будто чумной, будто землю из-под меня выбили.

Менять свою судьбу

Сильно я горевал, будто он – Никифор, родственником мне был близким. Заболел я, после его похорон, и слег на целую неделю. Температура под сорок, кости выламывало, и есть не ничего мог, только воду одну пил. Душа, моя, не на месте была.

Всё слетело, как пыль с сапог. По-другому начал смотреть на людей, ценить начал то, что есть, к старикам стал прислушиваться.

А пока болел, – жизнь свою передумал, – слова Никифора вспомнил. Оценил я его слова. На работу вышел уже другим человеком. Несколько лет еще проработал, после того события.

– Батя, а как шаманили в твоей молодости? – перевел разговор Степан.

– В ранешние годы шаманить совсем запрещали. Даже преследовали за это. Но, в мою бытность, к такому делу спокойно относились. Не то, что само собой разумеется, но глаза закрывали на это. Народ шаманил спокон веку, и будет шаманить, – как ты его не переделывай, – сказал Милхай. – А чего переделывать? – Все равно бесполезно.

– А ты как начал шаманить? – спросил Степан. Он посмотрел на отца и замялся. Понял, что трудно ему ответить.

Милхай не сразу ответил. Помолчал с минуту, другую.

– Батя? – тронул за плечо Степан.

– Ась...? – встрепенулся тот.

– Я говорю – как шаманить ты начал?

– Шаманить..., – повторил Милхай и уставился в одну точку.

– Случилось, у нас, что все мужики уходить стали, – неожиданно начал он. – Один за другим, все в течение года... Кто-то от старости своей ушел. Другие, что помоложе, – те раньше срока.

Старики тогда, о нашем Роде заговорили: сказали за предков наших. Объяснять начали, почему все происходит.

Я тогда заболел, как назло: – бредил по ночам, – духов стал видеть. Самым старшим в Роду оказался. Остальные, – кто был постарше меня, – все ушли.

Старики мне сказали, что весь Род наш, на мне сошелся. По этой причине и заболел я, и чуть не помер тогда.

Подготовили меня. Хоть я и сопротивлялся, хотел и не принимать ответственность, но потом согласился.

Деды деревенские проводника нашли, чего нужно купили, что положено приготовили. Потом собрали народ из деревни и провели обряд. Посвятили меня в шаманы, представили предкам, как положено. А после, я сам стал шаманить. За всех наших, перед Богом, грехи отмаливать. И вот что я понял тогда, Степа, – он посмотрел на сына.

– Чего, – недоуменно спросил тот.

– *Лучше самому судьбу менять, – иначе она тебя поменяет и весь твой Род.*

А я, пока жив, буду делать, то, что положено. Вам – детям и внукам, – дорогу открывать, – помогать тем, кто помощи попросит. А не станет меня, – тогда знай, что может случиться, и будь готов к этому. В деревне всегда есть старейшины: бабушки и дедушки, которые помнят и понимают, что с человеком происходит. Они и проводника найдут, и, то что нужно для обряда, – все сделают.

Степан нахмурился и помрачнел этих отцовских рассказов. Сидел весь хмурый и задумчивый, то и дело потирал свой лоб.

– Да не дрейфь, ты, – стукнул по плечу Милхай.

– Может и не случиться этого. – Знал бы я наперед – сказал бы. Но я не знаю. Да и неправильно это, – в книгу раньше срока заглядывать. Хотя готовым нужно быть ко всему...

Рассказ отца стал неприятным откровением для Степана. Удивленный, и даже шокированный, от всего услышанного, он не сразу пришел в себя.

* * *

Много вопросов было в тот день. И один, из них, был такой:

– Батя, скажи: вот у нас капать положено на святых местах, – сигаретку и спичку положить, и монету еще. А как у других, – есть что-то подобное?

– Ну, где-то оно и есть, а где-то и нет. Одно могу сказать. Если ты оказался в чужих местах, тогда спроси у старейшин местных, присмотришься, как они поступают. Чужие традиции нужно уважать, где ты бы ни был.

А если чего-то делают люди перед дорогой, тем более, если просят тебя что-то сделать, – тогда сделай, не пренебрегай. Не принимай это за оскорбление.

– Батя, а почему по-разному то у всех? – спросил Степан.

– Потому, что мы разные, – в разных местах живем, и разным Духам поклоняемся. Обряды разные у нас и обычаи. Законы свои, понимаешь: там где тепло – одно, а где холодно – другое.

Однако за всеми различиями, есть у людей и другая сторона.

– Какая? – спросил Степан.

– *Мы под одним Богом ходим, – куда бы ни пошли, и куда бы ни поехали. Он всех нас принимает и всех любит.*

Слушал Степан отца, но думал, почему-то, о своем. Переваривал его слова.

– То, что тебе говорю – делай, – продолжил Милхай. – За собой следи, и за своей семьей. Детям твоим: Коле с Катей – сейчас особая поддержка нужна. Вот и поддерживай их, и помогай. Мы, с мамой, – не вечные, когда-то и вам с Оюной главными становиться. Так, что, Степа, сына своего – сам воспитай, а жена твоя – за дочкой присмотрит.

– Ну, да, – нехотя согласился тот.

– Не ругайся на Колю сильно. Он мужик, только маленький, – свою жизнь проживает, и свои ошибки делает.

– Так, а если не слушается?

– А ты сам себя вспомни. – Много ты нас слушал, когда маленький был? А подростком когда...? – глянул Шаман на Степана. Тот потупил свой взгляд, – припомнилась, пара моментов из юности.

– Ну, то-то же. С сыном можно строжиться, и наказывать можно. Но только не сильно. Нельзя в нем стержень мужской поломать. Ты взрослый, а Коля твой – маленький. Он тебе никакого отпора не даст, и защититься от тебя не сможет. Вот потому и старайся по-хорошему, – объясняй, ему, чего хочешь.

– Ну, так я по-хорошему, только не всегда получается. Не слушается, он, – вот и ругаюсь. Не могу смотреть, когда беспорядок, а он бездельничает.

– Беспорядок, ладно, – ты такую вещь пойми: когда-то сам будешь старым, а Коля, к тому времени, силу наберет. Воспитай его так, чтобы он тебя взрослым слушался. – Одного твоего слова. Уважения его заслужи, делами своими и своей работой. Вот тогда и будет порядок. А если беда, какая случится или заболеешь ты, – так он сразу придет и поможет.

Поговорили, Милхай со Степаном, вопросы свои обсудили, и разошлись, каждый по своим делам.

А Жизнь деревенская рядухом посидела, послушала Шамана с сном, и потекла дальше, своим неспешным чередом. День уже клонился к закату. Тучки на небе нахмурились, обещались к ночи пролиться дождем.

Наступила ночь. Тихо вокруг: ни души, ни собачьего лая, только сверчки поют. Постояла ночь, небом своим покручинилась, да так и не пролилась дождем. А на утро ветер прилетел, и все тучи разметал.

Солнце поднялось из-за дальнего горизонта: – новый день наступал в деревне, новое время и новые события...

Глава 2. Народ кочевой, северный

*Шел народ кочевой по своей земле,
Шел лесами густыми, зелеными,
Вдоль широких и чистых рек,
Где-то вброд проходил, на другую сторону.
Где-то шел полями и степью широкой.*

*Когда горы вставали на его пути,
Поднимался он в горы без сомнений и страха.
Там Создатель народ свой испытывал,*

*Ветрам сильным его задувал,
И дождем проливным его поливал,
Бурями крутил и вихрями,
Туманами прятал тропы, снегом их засыпал.*

*Все равно шел народ по своим дорогам.
Сквозь крутые пики, сквозь холодные ледники,
С благодарностью шел, он, к Создателю,
За путь тот нелегкий, и за все его испытания.*

*Спускался когда, он, с высоких гор,
С ледников холодных и пиков крутых,
В долине предгорной продолжал свой путь.
Летом шел и зимой, осенью и весной.*

*Легкий народ кочевой, – как ветер,
Светлый, – как солнце небесное,
Крепкий – как зимний мороз,
Суровый и стойкий – как северный край.*

*Был в том народе старейшина,
У костра, на привале, учил молодых:
– «Все на этой земле повторяется,
Что было раньше, – повторится и с нами,
Что будет после – повторится с другими людьми».*

*Много лучших сынов родила Природа,
Многих носила она по своей земле,
Жизнью учила, их, крепко воспитывала,
Многих из них проводила в Вечность.*

*Время пройдет, и вода утечет из рек,
Но ничего на земле не измениться.
Все те же леса густые и поля вокруг,
Та же степь широкая и высокие горы.*

*Пока жив наш народ посреди земли,
Будет жить и Природа среди своих сыновей,
Пока живы в ней Небеса,
Будет солнце яркое их освещать,*

*Новый народ будет шагать по земле,
Светлый народ, – как солнце небесное,
Крепкий и сильный – как зимний мороз,
Суровый и стойкий – как северный край.*

*Будет привал, у него, и костер в новом месте,
Скажет тогда старейшина нового рода:
«Все на нашей земле повторяется,
Что было раньше, – повторится и с нами,
Что будет после – повторится с другими людьми».*

(Народ кочевой северный)

Жил был северный народ. Кочевал он много, перебирался на оленьих упряжках с утра и до позднего вечера. Недолго стояли стойбища на одном месте. Пока олени пасутся, пока траву с веточками объедают, люди рядом с ними находятся. А как объели траву, как опустел для них лес своим кормом, так двинулись люди дальше кочевать.

Долго сохранялся такой уклад, ничего не менялось у народа. Был у людей свой язык, не простой и не понятный для других, однако напевный и искренний. Много в нем было слов от самой природы. Лес, тундра, деревья, трава и снег – все по-особому говорилось, по-своему.

У снега, к примеру, много имен: ветренный снег – одно имя носит, морозный лежалый – другое. Свежий и «теплый» – третье, «мохнатый» – четвертое. Еще был «ледяной снег» – рыхлый весенний, или крепкий и плотный. Много очень точных и емких названий. На каждую погоду – свои имена. Важные они были для пастухов, потому как менялась погода, менялся от этого и пастуший уклад.

Раньше так старики молодым говорили:

«Для городских жителей снег почти одинаковый: – толи чистый, – толи грязный, может пушистый или колючий. У нас, жителей севера, снег всегда разный, много характеров у него, много своих названий. Важно для северного кочевника, какой сегодня снег. По его состоянию и погоду определяли, и охоту, и наперед события, могли предсказывать кочевые люди. Много примет они замечали.

Человек природы

Человек, который кочует, сильно от природы зависит: от циклов ее, от изменений разных. От капризов природных тоже зависит. Связь у людей образовалась со всем живым, не живым, и со всем окружением лесным. Как думали они, как мыслили – так все и получалось. Если думали плохо, сквернословили, недоброго другим желали, – тогда отворачивалась от них природа, учила людей своими уроками.

Связь совершенно не сложная: следствие проявилось – причина рядом где-то. Подумай и найдешь ее сразу. Вот так люди, через простые истины, наблюдения свои и знания, становились мудрыми. Суть вещей понимали и природную истину.

Были у людей Духи, почитаемые и свои божества. Поклонялись они, уважали небесного Бога. Прославляли в песнях своих, детям в колыбельных рассказывали. Воспитывали, их, историей края родного, словами первыми, молоком материнским. Позже, когда подрастали дети – взрослому жизнь начинали постигать.

Солнце, для них, ходило от рассвета к закату, горизонты открывало новые и новый опыт».

Знали Кочевники: – все в этом мире подвижно, нет ничего постоянного. Менялись места для кочевков, и природа везде была разная. И если понимал человек ту подвижность, – тогда он свободу свою обретал. Обретал он счастье земное, и большую любовь.

Одни старики кочевые так молодых учили:

«Веками искал человек, где лучше. Где он никогда не бывал. Казалось ему, что в других местах и реки прозрачнее, и трава гуще, и солнце там светит ярче. Небо глубокое синее, там, – еще глубже и еще синее. Но попав на чужую сторону, понимал человек со временем: все на земле одинаково, только с разницей небольшой.

И как бы не отдалялся, он, от корней своих, от мест знакомых и родных, – всегда он стремился попасть назад. Родные места свои навестить. – Таковы у природы законы, – таковы у людей правила.

Другие старейшины, из других мест, для своих людей повторяли:

– «Хорошо где нас нет: – там, в тех местах хлеб пышнее, возможностей больше. Красот распрекрасных полно и зимы не такие суровые. Есть там счастье и новые звезды. Все это так, но лишь на поверхности. Люди другие там и климат не каждому. Уклад и порядок другой в тех местах. Человек, на чужой стороне, должен встроиться. Подчинить самого себя под чужие законы, и правила».

Третьи старейшины своим молодым вторили:

– «Есть посреди кочевого народа другие люди. Помнят они о своем месте, – о старцах мудрых своих родовых. Легко таким на любой земле. Куда бы они ни пошли, и куда бы ни ехали. Везде, их, предки поддерживают, и везде раскрывают двери. Сохраняют они, кочевые пути и дороги. Ведут за собою других людей, к новым звездам и к новому счастью!»

Песня северного кочевника

Жизнь моя светлая

*Когда вижу я лес непроходимый,
Зимней белой одеждой припорошенный,
– Спою про него обязательно,
Виджу зайца впереди
– И про него не забуду спеть.*

*Вот следы впереди медвежьи,
Шел хозяин тайги по своим делам.
– Страшно ему на глаза попадаться.
Но я, его, все равно не боюсь,*

*Потому что есть у меня ружье,
И собаки есть верные.
Если что, залают, они, защитят,
Не дадут медведю напасть на меня.*

*Он хозяин тайги, у него свои заботы
И своя косолапая жизнь.
А у меня своя дорога, кочевая,
С медвежьей совсем не схожая.*

*Сани мои легкие, сани мои надежные,
Несутся быстро по лесу,
Несутся быстро по тундре.
Еду я далеко, еду я со своими оленями.*

*Жизнь моя светлая, – как солнце на небе,
Жизнь моя прозрачная – как сами небеса,
А мысли мои бесконечные
– Как сама вечность над моей головой.*

*Есть у меня семья: жена моя и дети,
Есть у меня братья и сестры,
Есть у меня родители.
Все они живы и здоровы, и все в пути находятся.*

*Жизнь моя летит, не останавливается,
Никуда не сворачивает моя жизнь.*

*Торопится она все увидеть и везде побывать,
Торопится новое познать и старое,
То чего предки мои видели,
И то, что увижу только я и никто другой!*

Хорошая жизнь на земле, без горя и печали,

*Со светлым днем она поднимается,
И весь день по дороге бежит,
Только с первыми звездами останавливается,
И на новой кочевке спать ложится.*

Есть на земле и другая жизнь,

*Жизнь людей ушедших, – предков наших далеких.
Не знаю ее совсем, но знаю точно,
Придет и мое время, и я сам пойду туда.
Оставляю земную дорогу и живых людей.*

*Тогда дети, мои, будут оленей запрягать,
Чум заново в дорогу укладывать.
Будет у моих детей жизнь светлая,
А путь, их, такой же легкий,
Как и у меня сейчас!*

*Вырастит тогда сын мой старший,
Скажет другим, как я сам говорил:*

*Жизнь моя светлая, – как солнце на небе,
Жизнь моя прозрачная – как сами небеса,
А мысли мои бесконечные
– Как сама вечность над моей головой!
«Жизнь моя светлая!»*

(Песня северного кочевника)

Стояло пастушье стойбище

*Стояло пастушье стойбище,
Чум стоял посередине леса.
Олени лежали там на снегу,
Отдыхали после длинного перехода.*

*Собаки мохнатые рядом лежали,
Там же с оленями отдыхали.
Самые лучшие друзья пастухов.
Самые надежные их защитники.*

*На охоту с ними, или в кочевку,
– Везде сопровождают, собаки,
Предупредят везде, защитят людей.*

Снег лежит возле чума,

*Ногами и копытами утоптаный,
Ветром северным уплотненный.
А внутри чума костер горит.*

*Теплится жизнь человеческая посреди Тайги,
Душу таежную от холода согревает.
Радуется Тайга своим детям,
Дарит для них новый морозный день.*

Тепло пастухам внутри чума, уютно.

*Вкусно пахнет там: по-особому по родному.
Хозяйка готовит ужин для своей семьи.
Все как обычно и просто, – ничего нового,
Однако приятно так, и так хорошо!*

*То, что у прадедов, у далеких было,
Все и у правнуков, их, сохранилось.
Истории старые кочевые пастушьи,
Передавались мужчинам и женщинам.*

Женщины песни пели мелодичным голосом,

*А мужчины, под треск у костра,
Делились сказаниями старыми,
Теми, что слышали раньше от предков,
И всем тем, что видели по своей дороге.*

*В том и счастье природное для людей кочевых:
Каждый день новое, в то же время знакомое,
Не однажды увиденное, не однажды хоженое.*

*Где люди чум поставили,
– Там и дом настоящий на целые века,
– Там и жилище у тех кочевников,
– Там и пища для них самих.*

*Летят птицы над чумом,
Все вокруг видят, все обзревают.
Лес под ними огромный заснеженный,
Со своими заснувшими жителями.*

*Реки, замерзшие, крепким льдом скованные,
Начало берут, они, высоко в горах,
В мелких ручьях и речушках текут,
Собирают свои холодные воды.*

*Наполняются по своему пути,
И широкими там становятся,*

*Где быстро бегут напрямую,
А где зигзагами обходят препятствия.*

*Большая тайга под низом у птиц,
– Тайга бескрайняя, беспредельная.
Где-то там посреди лесов,
Затерялся поселок малый.*

Что там делают люди, и зачем там живут?

*Видят птицы поселок,
И мимо него пролетают,
Есть, у них, цели свои воздушные,
Есть, у них, ориентиры свои.*

*Далеко, далеко тайга раскинулась:
Ни взглядом, её, птичьим не охватить,
Ни в голове человеческой не представить.*

*Там на самом далеком месте,
На бескрайних просторах тайги, есть конец земли.
Солнце там первое просыпается,
Новый день поднимает от крепкого сна.*

*Не одно поколение народ там живет,
Всю историю помнит, и другим передает.
В постоянстве том, счастье свое находит.*

*Так было раньше, так есть и сейчас,
Так оно будет после далеких времен!*

*Другой же народ в вечном странствии пребывает,
Не привязанный, он, к одной местности.
Корни свои и традиции, он, с собой, далеко несет.
Дух у того народа крепкий, силой наполненный.*

*Неутомимый Дух, – древний, – Кочевой.
Водит народ, Он, своими дорогам,*

*Краями неведанными и не хожими тропами.
Открывает все тайны, народу, в его пути,
Сберегает в дороге людей преданных, верных,
Сберегает в пути, он, своих людей!...
«Стояло пастушье стойбище»*

(Песня северного кочевника)

Мать наша – Тайга

*Кочевой народ, северный, легкий
Нет у него ничего про запас.
Все что нужно, ему, – в дороге,
– Все по пути, у него, в Тайге.*

*Мать-Тайга для народа приветливая,
Заботливая, она, для него.
Не бросает своих детей,
Одних в беде никогда не оставит.*

*Соглядатаи есть у Тайги:
Звери малые, не заметные.
Есть у нее и защитники,
– Звери больших размеров – хищные звери.*

*Есть у Тайги маяки: горы высокие и холмы.
Далеко, их, отовсюду видно,
По ним ориентиры для легких птиц.*

*Птицы – воздушные сущности, – быстро летят,
Напрямую, Тайге, вести приносят.
У них другие законы и другие правила.
Так и живет Тайга со своими жителями,*

*Кочевому народу в его пути помогает.
По дороге, его, домом становится,
С легкой «ветреной крышей»,
И с лесными сосновыми стенами.*

*Водят сыны таежные свои сани в оленьих упряжках.
Знают они о «Таежной Матери»,
И любовь, ее, великую материнскую
В своих верных сердцах берегут.*

*Море есть на самом краю земли.
Холодное море, далекое северное.
– Как завет, оно, для того народа.
Стремятся к нему кочевники.*

*В своей жизни хоть бы раз повидать,
Поклониться Духам морским,
Поблагодарить их за путь не легкий,
За путь долгий кочевой и священный.*

*Везде им поможет Таежная Мать,
Позволит им море увидеть северное,
Поклониться ему позволит,
И назад вернуться, в родные края,
«Мать наша – Тайга».*

(Песня северного кочевника)

Катились кочевники по своему пути от раннего утра и до позднего вечера. К вечеру только становились на постой. Сами себе хозяева, сами себе гости. С духами местности здоровались, со своими духами вместе кочевали.

Оленей, они, распрягли, и пастись отпустили. Чум «подняли» высоко, – возвели его быстро на хорошем месте. Вещи в новое жилище из саней перенесли. Олени у кочевников приученные, от кочевья далеко не уходят. Траву копытят под глубоким снегом, питаются, силы восполняют для следующего дня. Собачки тоже умные, хозяевами прикормленные, – не далеко улеглись от чума, – лежат от дальнего перехода отдыхают. Шерсть у собак густая, защищает их от мороза и от ветра. Обо всех позаботилась Природа, о своих коренных обитателях.

* * *

Хозяин с хозяйкой развели костер в чуме, огонь запустили в свое жилище. Загорелся он, разгорячился, дымом стал виться. Через отверстие стал наружу выходить.

Высыпал пастух травы, из мешочка, в огонь. Молитву свою не хитрую прочитал. Подхватил огонь пахучую траву, проглотил, ее, сильным пламенем, обдал жилище травяным запахом, обкурив его изнутри: – каждый мелкий уголок, – каждый закоулок в чуме.

Услыхали Духи таежные, прилетели, пришли на запах. Поздоровался пастух с ними, поприветствовал и в гости пригласил. Обрадовались, Духи, новым пришельцам, – пастухам почитающим местные правила. В чум вошли, расселись вокруг костра. Рядом с пастухами сидят, греются, разговаривают и общаются беззвучно друг с другом. Понимают их пастух со своею женой, понимают чужое присутствие.

Хозяйка ужин стала готовить, первой пищей огонь кормить. Через стихию огненную к предкам своим обращаться, к бабушкам далеким, к хранительницам старых историй. Запела хозяйка песню в половину голоса, песню хорошую, про свою жизнь в тайге. Услышали Духи, ее, – обрадовались. Сидят на местах у очага, слушают внимательно. В котле варится похлебка, чум ароматами наполняет. Готовит хозяйка ужин, бульон деревянным черпаком помешивает. Закончилась песня пастушья, и тут же началась другая.

Дети кочевников рядом сидят, смотрят на свою мать и на своего отца. Слушают песни и глядят на костер. Длинный день у них оказался: большой переход сегодня сделали. Устали за всю дорогу, проголодались. Ждут с нетерпением не дождутся, когда же их мама покушать положит.

Сготовился ужин, стала хозяйка похлебку по плошкам разливать. Сперва хозяину налила, потом детям малым, а потом и себе. Мясо выложила на большой поднос. Отрезал пастух кусочек мяса и кинул в костер, еще отрезал и еще кинул. Поднял свою плошку и покапал бульоном в огонь. Снова Духов поприветствовал, покормил костер свежей пищей.

Радовались Духи местные новым гостям, – пастухам кочевым радовались. Пищи попробовали, песни их послушали. Приняли подношения от людей, рядом с ними посидели. Погрелись, они, у костра, а потом разлетелись по всей Тайге.

Наполнялась Большая Тайга радостью, от почтения и от любви от своих детей. Наполнялся «дом» пастухов новой энергией, с новой силой входили люди в Большую Тайгу.

Хозяин

Есть у любого народа такое слово, понятное на любом языке. У северных людей так поставлено: – один хозяин в доме, один человек ответственный голова. Он несет свои мысли, – он по своим путям ведет семью. Обеспечивает ее новым местом, теплом и огнем, пищей сытной. Добычей лесной обеспечивает – если охотник, рыбой пойманной – если рыбак, олениной – если пастух олений.

Есть у хозяина свои правила и свои законы. Подчиняется им вся его семья. Так сложилось давно, такими устоями жили, его, предки далекие, так будут жить, его, дети и внуки.

Хозяина все слушают, и никто ему не перечит. Если сказал чего, – тогда выполняют.

Гости редкие появляются в чуме, в первую очередь здороваются с хозяином и с хозяйкой, разрешения просят войти в жилище. Разрешает, хозяин, гостям, – никогда не отказывает.

Разница есть оттого кто хозяин:

– Молодой хозяин в чуме – это одна история, – старый – совсем другая. Тут как жизнь сложится, – у всех она разная. Кому-то повезет со своими стариками пожить. Их навыков и мудрости рядом набраться.

Чувствует старый хозяин силу, – вперед идет и семью большую ведет за собой. А коли время пришло для него, так он старшему сыну место уступает, сам с ним рядышком становится, – вторым человеком. Хорошо молодому, если отец его рядом. Есть всегда с кем посоветоваться, мыслями своими поделиться.

Так в природе суровой заложено: – один Вожак в стае среди хищных зверей, – один Хозяин в чуме, среди кочевых людей.

В этом чуме был взрослый хозяин со своею женой. Были у них дети: три сына и младшая дочь. Далеко кочевали пастухи, надолго не задерживались в одних местах. Где их родина, где их предки? – Одному только Богу известно.

Предки, их, – в пути похоронены, – на бескрайних сибирских просторах.

Родина их – почитай вся земля кочевая: – где переходы длинные, – где остановки пастушьи, – там и место их, – там родина для кочевников. Не привязанная она к одной земле, никем не якоренная.

Свобода народная северная, – сила Духа кочевая. Предки далекие, истории старые, – все в головах и в сердцах пастухов сохраняются. Память о близких родных – у них, в душах, в потаенных самых уголках. Легкие люди северные, по своей сути – быстрые. На месте не сидят, – всегда двигаются. В этом движении жизни свои находят: – новый рассвет встречают в одном месте, а к закату – в другое место перебираются.

Старики говорили про северный народ:

«От первой остановки, от самого первого кочевья и до последнего следа оленьего – все это их земля, – все это их Родина. Где ступила нога кочевго человека, там тайга благословенная стала. Все потому, что любит Природа движение, и детей, своих, кочевать отправляет. Прославляют, ее, дети, с почитанием к ее стихиям относятся. Так оно было раньше, так оно есть сейчас, так оно будет дальше, покуда жив кочевой народ, покуда заботится о нем Природа.

Вечер поздний стоял в тайге. Небеса теменью укрылись, затянулись мутными непроглядными облаками.

Задумалась Тайга перед сном, решила снегом убранство свое припорошить. Нахмурилось темное небо и просыпало на Тайгу крупные белые хлопья.

Лежат олени на снегу, сверху снегом густым посыпаются. Глазами хлопают, ресницами большие снежинки ловят. Морозно было до сих пор, пока снег не посыпал с небес. А когда разошелся сильно, – потеплело сразу, хорошо стало вокруг, тихо.

Друзья верные, мохнатые

Собаки лежат на снегу рядом с оленями, уши свои наострили. Для них ночная работа – самая главная. Где ветка хрустнет, где птица своим крылом взмахнёт – любое движение учует собака, любое колыхание услышит.

Есть у кочевников две опасности посреди тайги.

Первая – хищники лесные. На тот случай собаки выручают, если что – предупреждают пастухов. Для защиты от зверя ружья есть у кочевников, пули в них, огнем отлитые.

Вторая опасность серьезнее, – нету ни пули на нее, ни ружья. – Эта опасность – Духи чужие, местные, – не приветливые бестелесные существа.

Бывает, стараются пастухи их задобрить, – угощениями вовремя накормить, – молитвами своими упросить. Но гневаются, все равно, Духи, гостей непрощенных не принимают. Уводят, их, не теми дорогами, голову кружат старшему пастуху.

Могут, Духи, зверем хищным прикинуться, – отклониться заставят людей от своей дороги. Могут птицей вверх полететь, – знак людям не тот подать. Бывает, призраками темными, посреди деревьев, носятся, – страху на кочевников нагоняют.

Но бывает и так, что кочевники сильные, – не боятся призраков этих. Тогда Духи пугают оленей, на животных домашних страхом влияют. Боятся олени призраков, движение свое останавливают. Но и здесь пастухи смелые, – управляют своими оленями.

Так, со зверьем лесным, хоть как-то можно поладить, – по-хорошему разойтись или пулями, его, отогнать. Но вот с Духами – не всегда получается. Не силен человек, на них влиять, – нету такой способности. В этих особых случаях, когда трудно совсем становится, молится Богу кочевник и Природе молится, предков своих поминает. Просит защиты, благословения, продолжение своего пути просит.

Помогают кочевнику его родители, земные и небесные: – Бог по-отечески строго, его, наставляет, а Природа – ласково и по-матерински.

В каждом таежном действии, в каждом явлении непонятном, есть серьезное испытание, и урок есть особый, – смысл для того человека. Понимает он: – если исправит ошибки в пути, – тогда он проходит урок. Мудрость предков своих познает, постигает тогда, он, истину.

Небеса перед ним открываются, очищаются от темных туч. Путь у кочевника становится светлым и легким, прямым становится без поворотов и лишних петель.

Жизнь кочевая – не быстрая: сколько нужно ногами пройти, сколько копытами оленьими побегать. Всю судьбу в жизни отмерить, судьбы детей своих сопроводить. Так оно было по всей кочевой судьбе: помогали пастухи друг другу, по пути своих предков следовали.

Летом рек держались и ручьев, чтобы самим напиться и оленей с собаками напоить. Посреди стоянок костер разводили, дымокур устраивали, – травой, от гнуса, себя и животных окуривали. Рыбачили рыбу в таежных реках, на дичь лесную, в пути, охотились. По-хозяйски жил человек. Лишнего у Природы не брал, про запас ничего не прятал, – только самое нужное в кочевом пути. Там где прошли кочевники, – ни трава не примята, – ни деревья живые не срублены. Лишь сухие убрал человек, завалы природные за собой почистил.

Понимал кочевник: вся тайга, на его пути, и весь лес – это дом его, а дома у себя, – по-хозяйски нужно: аккуратно ходить и ездить, – прибирать за собой лесные стоянки. Не один человек на свете, есть и другие, которые в лес придут, или на оленях туда приедут. Негоже гостей встречать в неприбранном доме, – мусор негоже за собой оставлять.

Старики кочевые так объясняли:

«Что для природы хорошо, то для пастуха северного благостно.

– Солнце утром выглянуло, тайгу осветило, – хорошо пастуху, – новый день для него наступил, – новые события в его дороге.

– Спряталось солнце за тучи, – тоже не плохо: по прохладе легко кочевать, – не так жарко для оленей и для людей.

– Дождик пошел – землю напитал, – поросла трава и растения в лесу, – плодами Природа кочевников одарила: грибами и ягодами, мхами и травами оленей накормила. Намочила дождем жилище пастушье, сверху вниз по нему скатилось. Очистилось жилище от всего старого, освободилось от пыли и грязи путевой. Стало оно еще легче, еще воздушнее стал кочевой путь».

Летели пастухи по земле на оленьих упряжках, землю ногами своими и оленьими вращали. Помогали они горизонт поднимать, от раннего восхода и до позднего заката. Вечером, когда на ночевку становились, горизонт с другой стороны опускался. Отдыхала природа от дня трудового, тьмою ночью она укрывалась.

Дни, для кочевников, быстро летели: все в пути, все в своей дороге. Каждым рассветом ясным и каждым новым закатом, отмеряли их кочевые жизни.

Месяцы, следом, за днями шагали, сезонами разными людей испытывали.

После лета теплого и осени плодородной приходила зима в тайгу, наступали морозы трескучие. Менялся лес: из зеленого теплого, становился белым холодным. Замерзала тогда земля, реки с ручьями покрывались льдом и снегом.

Пастухи снег собирали, таяли на горячем огне, чай для себя кипятили и пищу готовили. Зимним днем кочевали люди. А вечером длинным, и темной ночью, смотрели люди на высокое небо.

Небо морозное чистое, звезды как солнышки яркие, – все на ладони видно.

Длинная, долгая северная ночь, – хороша она для раздумий. Думает много кочевник, – жизнь свою осмысливает. Созерцает Природу северную и ее не простые послы.

Звезды на небе высоко, свою мудрость, ему, рассказывают. Смотрит на них человек, – о безграничной Вечности думает. Думает он о родных и о Вечности, и об этом он песню поет.

Все, что видит глазами кочевник, все, что есть у него на душе – все обретает куплетами песни, и мелодией, его, голоса оборачивается.

Мысли, его, лёгкие, – как и он сам. Мысли, его, веселые – как его кочевая жизнь. Откуда они приходят? – Из Вечности. И туда же, – в далекую Вечность уходят.

Ночью в тайге

Ночь наступила, ветер подул, поземку над землею погнал. Летит он, играет поземкой, полог у чума пытается отогнать, посмотреть хочет на пастухов и на их жилище.

Лежат олени на снегу, от поземки ветреной глаза прикрыли. Сохраняют тепло под оленьей шерстью. Завтра не скоро наступит, нужно ночь переждать до времени. Лежат собаки мохнатые на снегу, накормленные своим хозяином. Самые лучшие друзья, его, по его кочевой дороге, – верные помощники на его пути. Калачом свернулись, греются в шубах собачьих, носы в шерсть густую уткнули. Уши у них подрагивают, не спят уши, – все слушают. Сквозь поземку ветреную и сквозь шум от деревьев слышат. По слуху чуткому и по запаху узнают они новости в темноте. Дополняют, они, с человеком друг друга, верностью служат, ему, и храбростью.

Волк серый, больше собаки, порой, – но не боятся, его, собаки. Кабан пострашнее волка и поболее, – однако, и он для собак не страшен. Не страшатся, его, друзья человеческие, сразу в драку вступают с ним.

Медведь по тайге ходит, – самый большой и опасный зверь: ходит не слышно, нападает внезапно. Однако собаки и тут наученные: не пускают медведя к кочевью, чувствуют, они, зверя заранее, раньше, они, лай поднимают. Будят, они, пастуха со своей семьей.

Но если зверь совсем рядом, – тогда собаки дерутся, – защищают своих хозяев.

Проснулись хозяева ото сна и от лая собачьего, – поняли, что происходит. Достали они ружья с пулями, вышли из чума и стали в медведя стрелять. Но медведь не дурак, – под пули не лезет. Дальше отходит, на оленей напасть пытается. Собаки и здесь рядом, – не дают развернуться, подсакивают.

Ходит медведь, будто тень посреди ночи. Почти не заметно его и почти не слышно. Но пастухи опытные, – глаза у них острые. Днем и ночью хищника различают.

Поначалу пугают медведя «хлопком оружейным». Боятся медведь человеческих выстрелов. Но если он не боится вдруг, тогда люди прицельно в него стреляют. Худо, тогда, медведю. Ранить хищного зверя, у кочевья нельзя, – может дел он наделать, – на зверей напасть, – на людей. Если стрелить в такого медведя, то только прицельно и только убить его.

Здесь, на севере, все пастухи: – и охотники и рыбаки. Без пищи в лесу не останутся. Глаза у них меткие, и сердца холодные. Не дрогнет рука, у них, – ничего не испугается: ни волка, ни кабана, ни большого бурого гостя.

Походил медведь возле чума пастушьего, ревом своим, собак попугал, да так и ушел в тайгу ни с чем. И потом не вернулся назад. Отвернулся от тех пастухов с оленями, в покое, их, на время оставил.

Успокоились люди, и зажили по-новому: безо всякого страха, и безо всякой паники.

На одном месте стоят, – не боятся, и кочуют с оленями, – не беспокоятся.

Много дичи, возле людей, – целое стадо оленьё, но и много от них и опасности – ружья их и собаки. Люди здесь меткие, пули у них быстрые. Можно шкуру свою потерять, и без головы на мохнатых плечах остаться.

Новый рассвет

Проходит длинная зимняя ночь, светает. Тихо на рассвете, изморозь после снега появляется, туманом покрывает низкие места. За дальними белыми деревьями, на светло-синем небе, желтеет новый горизонт.

Расступается туманная дымка, освещает лесную округу. На рассвете самый сильный мороз, то, что за ночь накопилось: крепкий холод и лед, – все выходит наружу. С первый солнцем оголяется зимняя сущность. Белый сезон завершает свой годовой цикл.

Лежат олени на снегу, глаза приоткрыли, вся шерсть и морды у них в изморози. Собаки рядом с оленями, лежат своими ушами подрагивают. Поработали ночью собачки, отогнали бурого зверя.

Вышел пастух из чума, накормил собак, набрал котелок свежего чистого снега и вернулся в свое жилище.

На рассвете кочевники поднимаются. Хозяйка первой встает, огонь малый, почти угаснувший, сухими дровами разводит. Заботится она о своих домочадцах: воду из снега растапливает, греет чай для них утренний. Просыпаются дети, матери с отцом помогают. Завтракает все семейство, чай пьет из лесных трав. За чаем сидят, разговаривают. Отец со старшим сыном общается, дает ему разные поручения. Подросток уже старший, и два брата его, тоже подросли. Одна сестра пока еще маленькая, любимая дочка у своих родителей.

– Второй чум надо строить, дети взрослые уже, – проговорил Хозяин.

– А куда нам торопиться, в нашем чуме пока не тесно, – отвечала хозяйка. – Зимой, чем больше народу, тем теплее.

– И то верно, говоришь. Зиму вместе проживем, а к весне, по теплу, новый поставим, – согласился пастух.

– Оленей надо на новый чум вырастить, где столько шкур на него наберешь? Наш-то хороший: ни ветра, и ни мороза, – сколько лет на него растили, – покачала головой хозяйка.

– Потеплеет к весне, мы сосновой коры наготовим, и жердей нарубим. Будет новый чум для сыновей. Два чума рядом, – считай родовое кочевье!

– И не жалко тебе детей? – Под корой-то холодно, – возразила хозяйка. – Это ж не под оленьими шкурами.

– А чего, я молодой, когда был, – мы с таким чумом круглый год кочевали. – Привыкнут, поди.

– Хорошенькая привычка, – в морозе сидеть, – ответила ему жена.

– Если холодно будет, тогда к нам, в старый чум придут. – Кто же прогонит их, из родительского жилья? Взрослые сыновья уже, – пора жизни учиться, – не все же нам с тобой делать.

– Ну, если только на лето и на осень, – тогда ладно, – смягчилась мать. – А потом, по первым морозам, снова к нам. Переживала хозяйка за своих детей. Они для нее всегда маленькие, какие бы ни были – а все равно ее дети.

Старшие братья пили чай и слушали своих родителей. Не перебивали, не вмешивались во взрослый разговор. Позавтракали пастухи, планы обсудили и дальше кочевать собрались, потому, как ночью, прошлой, знак был природный от хищника.

Снялись с места пастухи, чум собрали и дальше покатали по лесным тропам и по дорогам. Едут, пока, ночь вспоминают беспокойную, знаки пытаются понять.

Нету случайных знаков в тайге. На каждое действие, на каждый звук и движение, – есть своя причина и свой особый смысл.

Едут кочевники дальше, оленями своими управляют. Великая тайга бескрайняя: – что на север, – что на юг, – что с востока на запад, – все одинаково, на многие километры, – все далекие дали сибирские.

Поет Душа у кочевника, радуется каждому новому дню. Можно многое увидеть, многому по пути научиться. Еще одну жизнь короткую пробежать, еще одну страницу в судьбе закрыть.

Берелту и Аялик

Берелту-пастух, был самым старшим из своего рода. Немало зим суровых пережил, кочевал с оленями по бескрайней тайге. Раньше он жил со своими родителями – в большой кочевой родове. Потом, когда вырос, женился на красивой девушке Аялик, из другого далекого рода.

Свой чум построили Берелту и Аялик, свои сани сделали, оленей своих завели. Началась у них другая жизнь, самостоятельная. Ходили, они, тропами предков, вслед за родителями кочевали. Приглядывался Берелту за отцом, все повторял за ним. Набирался, рядом с родителем, навыков и умения. Позже, когда силой окреп, поднатаскался в кочевках совместных, попрощался с родителями и пошел своей дорогой.

Много времени, с того прошло. Теперь только Аялик и Берелту. Никого рядом помочь, не у кого совета спросить. Сам себе выбрал судьбу Берелту, – другую, ни на чью не похожую. Не стал со всеми кочевать, покочевал своими путями. Отец его, был крепким пастухом, обеспечил сына оленями. Собачек сыну выделил – все, что нужно для жизни в тайге – все ему дал. Рыбачить Берелту научил, и стрелять из ружья. Мать Берелту молилась Богу, чтобы все у молодых сложилось. Чтобы невестка, Аялик, – детишек ему нарожала здоровых и крепких. Дети в кочевой семье всегда радость и подмога: подрастут, окрепнут, станут матери с отцом помогать, дедов с бабушками радовать.

Народились собаки своими щенятами, новых собачек принесли пастухам. Народились новые олени, пополнилось стадо у Берелту. Стал он теперь хозяином у своих оленей и своих собак.

Ходили пастухи путями разными, короткими и дальними. По тайге кочевали и по бескрайней холодной степи. Улыбалась Природа молодым пастухам, дарила им свою любовь и радость.

Старый художник – Создатель картину рисовал на своем холсте. Новую судьбу уготовил, он, молодым, – чистую, и ничем не закрытую, со своими земными радостями, со своими уроками трудными и испытаниями сложными. Подарил он, им, новый шанс на земле: жизнь достойно прожить и оставить след, на ней, в своих детях.

Микола и Виктор

Время бежало рядом с кочевниками. На ночь оно останавливалось, отдыхало вместе с ними, а утром, с рассветом вставало и снова в путь собиралось.

Родились у кочевников дети. Старшего назвали Микола, как русского Николая, – геолога, с которым они повстречались однажды. Отец выстругал деревянный нож для сына, чтобы с самого раннего возраста привыкал. Когда тот подрос, Берелту посадил его за стол. Достал ему кость из супа и дал помусолить, зубы молочные, об нее, поточить.

А когда, сыну, пять лет стукнуло, у него появился собственный нож. Конечно, не такой острый, и не такой большой как у отца. Но маленький, и самый, что ни на есть, настоящий. Микола копировал Берелту, повторял за отцом все его движения. В особенности, когда тот срезал кусочки мяса с кости.

Шло время. Сильным Микола рос, и со своим непокорным характером. Доставалось ему, от отца, за упрямость. Воспитывал, его, Берелту как старшего, – по всей своей строгости. Никакого спуска, ему, не давал.

Аялик пробовала защищать сына, однако Берелту не позволил:

– Негоже ему, хозяину, в воспитании сына жену свою слушать.

Так у них было: Микола нашкодит, что-то ломает нечаянно. Берелту строжится, ругает, его. А как он уйдет за полог, по своим делам, – так Аялик к Миколу бежит, – жалеет, пока отец не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.